

18+

Владимир Сназин

ДОКТОР ПОСТНИКОВ

Ягодная повинность

Владимир Сназин
**Доктор Постников.
Ягодная повинность**

«Издательские решения»

Сназин В.

Доктор Постников. Ягодная повинность / В. Сназин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-673891-1

«Ягодная повинность» — второй роман трилогии, посвященной врачу П. В. Постникову (1666–1710), получившему степень доктора медицины в Падуе, первому переводчику Корана на русский язык. В этой части рассказывается, как Петр Постников едет в Белгородское воеводство на сбор лечебных трав («по ягодной повинности»). Однако судьба распорядилась так, что в Москву он вернулся лишь восемь лет спустя, после турецкого плена. И только «именной указ» царя Петра I помог ему получить европейское образование.

ISBN 978-5-00-673891-1

© Сназин В.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
Глава первая.	6
Глава вторая.	10
Глава третья.	12
Глава четвертая.	14
Глава пятая.	17
Глава шестая.	19
Глава седьмая.	22
Глава восьмая.	25
Глава девятая.	27
Глава десятая.	32
Глава одиннадцатая.	37
Глава двенадцатая.	42
Глава тринадцатая.	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Доктор Постников Ягодная повинность

Владимир Сназин

© Владимир Сназин, 2025

ISBN 978-5-0067-3891-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Глава первая. Страх

Medice, cura te ipsum^{1 [1] [1]}.

К рассвету дождь закончился. Рваные серые облака плавно плыли по небу, унося дождь на восток. Вдалеке слышался колокольный звон, призывающий прихожан к заутрене. Конный разъезд Стрелецкого приказа объезжал заставы, проверяя, не спят ли дозорщики. Первой от ночной дремы пробуждалась паперть. Калеки, увечные и убогие, покинув обжитые ночлежки неспешно занимали места, оголив свои язвы и струпья: кто на нижних ступенях, кто ближе к дверям церкви. Во дворах слышался собачий лай, гомонили дворовые, на дорогах появлялись первые пешие люди, спешащие кто в церковь, кто на торговую площадь к Кремлю. Зоркие молодые парни, изображая инвалидов и немощных, шныряли на крестце близь кружала и блюли порядок, – высматривая, нет ли в округе чужаков, желающих приглядеть себе ночлег или застолбить проходное место для сбора подаяния. И если таковые находились, то их заталкивали в угол и очень убедительно, приставив стилет к горлу, предлагали заплатить пеню за использование чужой территории. Одним словом, Москва медленно просыпалась.

Весть о смерти царя, Великого князя Федора III Алексеевича, почившего совсем еще в юном возрасте от родовой болезни, распространялась по Московскому государству со скоростью лесного пожара в сильную засуху. С первых же дневных часов, чуть только рассвет коснулся небосвода, во все концы державы помчались гонцы, разнося печальную весть. Народ, узнав о смерти царя, стекался со всей округи к Москве, чтобы успеть с ним проститься. Похороны по тогдашнему обычаю были назначены на следующий день после его кончины.

Повозка, в которой находились новоиспеченный подлекарь Аптекарского приказа Петр Постников и его друг и наставник аптекарь-алхимист Готфрид Грегори, обогнув в Замоскворечье Климентовский острог, съехала с бревенчатого настила на Большую Ордынку и сразу же за Серпуховскими воротами бухнулась в размытый дождем и тальми водами, Тульский тракт. Наших героев сопровождали три стрельца – назначенные им в помощники – возница и два верховых. Увязая по самую ось в густой грязи, повозка медленно двигалась в направлении Белгородского воеводства – к своему пункту назначения – Верхососенску. По заданию главы Аптекарского приказа путники направлялись в степи Белгородчины на сбор лекарственных трав для пополнения царской аптеки.

Ехали молча. Несмотря на ухабищность дороги, клонило ко сну. Укрывшись овчиной от утренней мороси, каждый был погружен в свои размышления. А подумать им было о чем, особенно Петру. Страх, который нагнал на него боярин Языков, он ощущал почти физически.

Третьего дня царь Федор проводил инспекцию по испытанию учеников лекарской школы Аптекарского приказа на знание учениками лечебных навыков. И, когда, на вопрос царя – знакома ли студия Постникову такая хвороба, как скорбут – а царь страдал родовым скорбутом, – тот, вспомнив лекцию ректора школы доктора Блюментроста, рассказал, что этим недугом чаще всего болеют невольники на галерах, потому что питаются однообразной пищей. Но, как только они попадали на берега Африканского континента и находили в прибрежных

¹ [1] [1] Врач, исцели самого себя (лат.).

лесах цитрусовые фрукты, родниковую воду и особенно кислую траву, то в течение нескольких дней почти все выздоравливали.

Это известие сначала вызвало у царя удивление, а потом на него накатил приступ гнева. Как такое может быть? Он, Великий князь. Царь всея Руси, которого уже много лет лечат лучшие доктора Европы, но не могут избавить его от проклятого недуга. А какие-то галерщики, рабы, просто поев лимонов и кислой травы за несколько дней выздоравливали... От ярости его затрясло, он затопал ногами, стал задыхаться, хотел что-то сказать Языкову, но неожиданно у него носом пошла кровь, царь размяк, затих и, медленно сползая с кресла, завалился на бок. Присутствующие доктора констатировали у государя беспамятство на фоне пароксизма.

После случившегося боярин Языков заподозрил иноземных докторов в неправильном лечении. Ему казалось, что «немчура» умышленно подменяла снадобье, чтобы известить правителя. Он мог бы подвергнуть пытке любого из докторов, чтобы узнать, почему от кислой травы, свежих фруктов и ключевой воды у рабов – галерщиков скорбут быстро излечивается, а у государя от такого же лечения только пухли брюхо и ноги. Но для розыска требовалось дозволение самого царя. А он находится в беспамятном состоянии. Возможно, царь Федор в порыве гнева и хотел что-то сказать своему фавориту. Но пароксизм сомкнул государевы уста. А Языков, хоть и ближайший царский боярин, не мог без его повеления принимать самостоятельные решения. Единственный, у кого он мог узнать правду, не спрашивая на это дозволения, – это у студюоза Постникова. Поэтому Петр и боялся, что если Языкову станет известно о его отъезде, то он непременно снарядит за ним погоню. И на первой же заставе его уже будут поджидать стрельцы Разбойного приказа.

Откинув край рогожи, Петр облокотился о борт повозки и безучастно смотрел на дорогу. По тракту им навстречу двигался нескончаемый поток телег, таратаек, бричек, верховых стрельцов и пешего люда. Все торопились в Москву.

– Филипп, – сдвинув овчину с головы, позвал возницу Готфрид, – ты бывал в тех краях, куда мы направляемся?

– Дважды. Последний раз возил в ссылку на Изюмскую черту нашего брата-стрельца, – сказал возница, лихо ожигая кнутом крупы обоих меринов. – Да ты, аптекарь, должен помнить, как в прошлую годину ректор вашей лекарской школы, кажись Блюментрост, отправил туда двоих учеников. Один был такой здоровяк рыжий, а второй молодой с раскидистыми усами, похожий на казачка.

– Это не те ли, которым он тогда разбор учинил?

– Ну да, они самые.

– И долго вы добирались?

– Почитай, ден шесть. Правда, дозорщики тогда не шибко баловали...

– Да, – как бы про себя проговорил Готфрид, – шесть дней трястись в повозке, хоть и на соломе... бока как подошвы станут. – И он рукой подтянул под свой овечий тулуп пучок соломы.

– Да уж как получится, аптекарь, – сказал Филипп, снова раскручивая кнут. – Бог даст, може, и в пять ден уложимся, а ежели на заставах решеточники захотят какое-нить баловство учинить... – то сам понимаешь... – И он снова с перекладкой чиркнул кнутом обоих меринов по бочинам. – А ну давай, ретивые!

– О чем задумался? – спросил Готфрид Петра.

– Да не выходят из головы вчерашние слова твоего дяди об угрозе боярина Языкова учинить расспрос иноземным докторам, а заодно и меня вздернуть на дыбе, – грустно произнес Петр. – Неужто он все-таки снарядит за нами погоню?

– Надеюсь, этого не случится, – ответил аптекарь. – Пока Милославские и Нарышкины делят власть, Языкову будет не до нас. У него, как сказал вчера дядя, сейчас одна забота –

остаться у трона и не потерять ту силу, которую он имеет. Поэтому успокойся, не переживай, наслаждайся окрестностями. Вон, взгляни на небо. Уже голубые просветы появились. Мы едем на юг, в теплые края, скоро выйдет солнышко, будет тепло, и все вокруг зацветет. Думай о травах, мой друг. – Готфрид широкой ладонью захватил пук соломы и протянул Петру:

– На-ка вот, подстели, мягче будет, ехать еще долго.

– Хотелось бы, чтобы было так, – сказал Петр, подсовывая солому себе в изголовье. – Но твой дядя так же сказал: если победят Нарышкины, то Языков может остаться у трона. И тогда непременно вспомнит про меня. Не приведи, Господи, конечно! Я с самого утра об этом думаю. Каждый раз с опаской смотрю на верхового из Москвы, все кажется, что скачет он по мою душу.

– Чем дальше мы уедем от Москвы, тем сложнее нас будет найти. А еще вспомни, что было третьего дня перед Спасскими воротами. Стрелецкий бунт! Сколько полегло там народу?.. Ух, стрельцы сейчас злы... Когда патриарх будет венчать Петра на царство, возлагая на него бармы, бояре горло перегрызут друг другу, лишь бы стоять подле государя. И первым в этой толчее постарается быть Языков. А когда все закончится, ему опять станет не до тебя: бунтовщиков усмирять надо, неугодных бояр ссылать... Да мало ли какие еще могут возникнуть у него заботы. А потом, царь-то, поди, молодой и здоровый и кислая трава ему не нужна. К этому времени мы уже будем в Белгородском воеводстве. И до нас ли ему будет дело?

– Долго ли нам до Верхососенска ехать? – спросил Петр, продолжая разглядывать на противоположной стороне дороги спешащий к Москве людской поток.

– Филипп сказал, что не меньше шести дней.

– Шесть дней! – удивился Петр. – Это где ж этот Верхососенск находится-то?

– Ой... далеко, дьяче! – усмехнулся слышавший их разговор Филипп.

От слов Готфрида Петр успокоился, склонил голову набок, прикрыл глаза и стал просто смотреть на уже значительно поредевшую к вечеру встречную толпу путников. Больше встречались крестьянские таратайки и верховые. Редкие же пешие одиночки спешно двигались, стараясь еще до темноты укрыться на постоялом дворе или в какой ни на есть дорожной поварне.

– Кажись, там постоялый... – воскликнул впереди идущий верховой, показывая кнутовищем на едва заметную в сумеречном свете хижину на пригорке. – Вона и свет в окне. А там, поди, и еда, и ночлег...

– Похоже на двор! – подтвердил возница-Филипп, всматриваясь в черный силуэт избы. – А вот и тропа к нему. – На земле чернели две глубокие колеи.

Возница стал разворачивать повозку в ту сторону.

– Постой, Филипп! Не торопись, – сказал Готфрид, останавливая жестом стрельца. – Сто верст – от Москвы – это только кажется, что далеко... Хотя я и надеюсь, что Языкову сейчас не до нас, но лучше поостеречься... Не ровен час, снарядит конвой... А у Разбойного приказа весьма быстроногие кони... Не успеем проснуться... Тепленькими возьмут нас у печки. И тогда один Бог знает, что с нами будет.

Наступила пауза. Все представили себе нарисованную Готфридом картину.

– Нет! – наконец произнес он. – Надо поостеречься. Едем до следующего села, а там видно будет. Повечерять можно в пути тем, что осталось. Что у нас впереди, Филипп? – Готфрид посмотрел на стрельца.

– Акромя Тулы, других сел впереди нема! А это сто с лишком верст.

– Раздай всем харчи – и в путь! – Готфрид посмотрел на Петра и добавил: – Осторожность не помешает мой друг.

Возница открыл ящик на передке, достал увесистый куль, разматал веревку, развернул полотенце, вынул каравай черного хлеба и разделил его на пятерых. В другом свертке был массивный кусок солонины. Острым ножом он ловко отрезал несколько полосок и положил по одной на каждый кусок хлеба.

Дорога петляла по лиственничному лесу, в котором еще толстым слоем лежал подтаявший снег. К ночи подморозило, пешего люда на дороге почти не стало, да и где тот смельчак, что отважится заночевать в холодном лесу? Верховые так же спешили к ночи укрыться от холода на ближайших постоялых дворах.

Наст подмерз. Повозка уже не так глубоко увязала в снегу. Ехали молча. Сказывалась усталость. После трапезы клонило ко сну. Некоторое время Петр, приподняв рогожу, всматривался в ночную мглу. Но кроме темного мрачного леса и искрящегося в лунном свете снега, ничего разглядеть не смог. Редкий конный возок, визжа полозьями по замерзшему снегу, быстро проезжал мимо и скрывался в темноте. Он посмотрел на Готфрида, тот лежал навзничь, обмотав толстым шарфом шею и натянув на голову овечий тулуп. Сквозь шуршание колес Петр слышал его равномерное дыхание. Страх, который всю дорогу его преследовал, отступил. Он так же, как и его друг, укутавшись в овчину, попытался уснуть.

Глава вторая. Сон Петра

Петр расслабился и погрузился в свои мысли. Спать не хотелось. Он вспомнил заплаканное лицо матушки и суровый, но печальный облик отца. Представил, как сейчас беспокойная дворовая девка Глашка носится по двору и громко раздает указания его дядьке Миколке, чтобы он не забыл сделать то-то, и то-то, натопить баню или натаскать сена в конюшню. «Интересно, – подумал Петр, – как там мой братик? Спит еще или уже проснулся и просит есть?» От воспоминаний на глаза навернулись слезы. Казалось, миновал только день с тех пор, как он покинул дом, а сердце в груди уже заныло тоской. Чтобы отвлечься, Петр снова откинул край рогожи и выглянул наружу. Непроглядный мрак застилал все вокруг. От колючего ветра заслезились глаза. Неожиданно мрак рассеялся, и дорогу заполнила толчея повозок с путниками. Было темно, но Петр их отчетливо видел. Вдруг лицо коренастого мужика в сермяжном кафтане, который вел в поводу облезлого коротконового мерина, запряженного в одну из телег, показалось ему знакомым. Он стал вспомнить. «Кого же мне напоминает этот мужик своим широким лицом с большим шишковидным носом? – подумал Петр. И, взглянув на свои руки, тут же сообразил: – Да он же похож на алхимиста Шилова! Только у того шея толще».

Петр сразу вспомнил уроки медицинской ботаники, которые он постигал на аптекарском огороде за Мясницкими воротами под руководством алхимиста Василия Шилова. Тот по-мужицки грубо, но с отеческой теплотой выхаживал покалеченные руки Петра и рассказывал о секретах и премудростях лечебных трав. Вспомнил он и жалобно скулящих щенков, и «ползущий» к ним корень ненавистного ему чистотела. Но между всеми этими картинками вклинивалась – сначала робко и мутно, но потом все настойчивее и ярче – сцена, в которой с государем случился пароксизм. А рядом с царем почему-то всплывало страшное лицо боярина Языкова. Петр вздрогнул, тряхнул головой – и видение исчезло. «Ух!» – выдохнул он. Чуть шире отдернул полог и полностью отдался созерцанию дивной природы. Наконец от монотонной езды его веки отяжелели, и он, безвольно уронив голову на грудь, незаметно заснул. Ему снился братец, который хохоча выбежал из усадьбы и спрятался в ближайшей роще за кустом, а Глашка носилась среди деревьев и громко звала малыша. Вдруг Петру привиделось, что рядом никого нет: ни Готфрида, ни Филиппа, ни стрельцов – никого! А повозка без возницы с большой скоростью несется к дремучему лесу. Деревья в лесу толстые, с большими колючими сучьями. Они стоят так плотно, что между ними не то, чтобы проехать на повозке, человеку протиснуться невозможно. Петр хотел взять в руки поводья, но их не оказалось. Лошади неслись, не замечая препятствий. Расстояние между лесом и повозкой быстро сокращалось. «О боже, сейчас мы врежемся в дерево», – подумал он. И от безысходности положившись на судьбу, обхватил голову руками и распластался на дне повозки, зарывшись лицом в солому. Прошла секунда, две, три... Ничего не происходило. Неизвестность пугала Петра. Наконец, не выдержав, он поднял голову и увидел, что лес неожиданно расступился, и взору открылась бескрайняя ковыльная степь, по которой теперь неслась неуправляемая повозка. Он никогда не видел настоящей степи. От изумления Петр широко раскрыл глаза... И тут среди колосьев ковыля как из-под земли стали появляться красные кафтаны. Петр оторопел. Это были кафтаны стрельцов Разбойного приказа.

Растопырив свои щупальца, ибо рук у них не было, они шли к повозке, которая ловко их объезжала, но стрельцы вновь и вновь вырастали перед ней. Наконец несколько щупалец ухватили ее за край и стали оплетать... Петр огляделся и увидел дорогу. В ужасе, собрав все силы, он перепрыгнул через стрельцов и, пока они путались в своих длиннополых кафтанах, побежал по ней к ближайшему перелеску, надеясь скрыться в нем от преследования. Стрельцы устремились за ним. Число их постоянно росло. Они обходили Петра со всех сторон и почти

дотягивались до его ферязи. Но он сделал обманное движение, как когда-то его учил дядька Микола, увернулся от них и стремительно проскользнул в перелесок. «Все! – выдохнул он. – Кажется, ушел!» Но надежды его оказались напрасными. В то же мгновение перед ним выросли несколько зловещих фигур: боярин Языков и два дьяка с помощниками. В руках боярин держал по пучку травы и, тряся ими, кричал: «Вот он, держите вора! Он все мне расскажет!» Оба дьяка набросились на Петра, а помощники заломили ему руки за спину. Петра подвели к боярину. «Ну что, беглец, попался? – услышал он голос Языкова. – Сейчас ты мне все расскажешь об этой кислой траве! Я хочу все о ней узнать, ты понял? – И он стал хлестать пучками травы по лицу пленника, приговаривая: – Где иноземцы прячут чудодейственную траву? Как она называется? А ну, сказывай, холоп!» Петр кричал, выворачивался, звал на помощь отца, своего друга Готфрида, его дядю доктора Блюментроста... Они стояли в отдалении и почему-то с осуждением смотрели на него. На их лицах он читал: «Будь благоразумен, Петр, скажи ему правду, иначе мы не сможем тебе помочь». Дальше разум его замутился, и он стал проваливаться в какую-то бездну...

– Стой! – сквозь сон услышал он грозный окрик. Попытался открыть глаза, но они не открывались. И только когда почувствовал, что кто-то его сильно трясет за плечи, наконец проснулся и осознал, что лежит на дне повозки ничком и тычется лицом в солому.

– Что случилось? – испуганно спросил он. – Где мы? – И стал судорожно озираться по сторонам.

– Застава! Дозорщики идут, – тихо произнес Готфрид и кивнул в сторону приближающегося к ним стражника.

Глава третья. Дозорщики

Петр вздрогнул. Выглянул из-за плеча возницы и увидел вооруженных стрельцов в красно-коричневых кафтанах, которые перегораживали решеткой дорогу, а двое с саблями не спеша направлялись к повозке. «Ну вот и конец твоему путешествию, лекарь, – подумал он. – Сейчас тебя арестуют, закуют в железа и, как вора, в кандалах отправят обратно в Москву на расспрос в съезжую избу Разбойного приказа. Господи! – воскликнул он про себя. – За что ты меня караешь?»

Он стал истово креститься, а в его воспаленном мозгу в это время стали возникать картины одна страшнее другой. Вдруг в голове мелькнула мысль: «Бежать! – Но он тут же обуздал свой безумный порыв: – Куда бежать? И почему? Разве я преступник? В чем я виноват? А кроме того, на следующей же заставе меня схватят, скрутят веревками и кнутом погонят по грязи к Москве». Он воздел руки к небу и, прошептав молитву, попросил у Бога защиты. А когда увидел, что стрельцы приближаются, обмяк, обхватил свою сумку с хирургическими инструментами и, подумав про себя: «Как будет угодно Богу!» – отдался на волю судьбы...

– Кто такие? Отколь и куда едете? Есть ли что запретное для провоза? – спросил дозорщик с насупленными бровями, видимо старший.

Готфрид, спрыгнул через борт повозки и подошел к стрельцам.

– Мы московские доктора и едем в сопровождении стрельцов по распоряжению главы Аптекарского приказа в Белгородское воеводство по ягодной повинности. Ничего запретного не везем, – сказал он.

– Имеешь ли подорожную бумагу или проезжую грамоту? – допытывался дозорщик, при этом он заглянул в повозку и всмотрелся в каждого, как бы выискивая в них подозрительные черты.

Сердце у Петра готово было выпрыгнуть из груди. Он отвернулся и старался не смотреть на стрельца таможенной службы, чтобы не вызвать у того подозрения.

– Как не иметь, – ответил Готфрид и, вынув из-за обшлага кафтана бумагу, протянул стрельцу.

Тот внимательно осмотрел документ со всех сторон, покрутил его и так, и этак, потом передал товарищу:

– Кирюха, прочти, что там прописано.

Другой стрелец взял лист и, разглядывая, пальцем пощупал восковую печать. Затем перевернул его и по складам прочитал:

– «По государеву цареву и великого князя всея... указу... из Московии в Верхососенск...»

– Эй, служилый, – перебил стрельца сидевший на передке Филипп, – ты только печатку-то не поломай. А то грамотка так не доживет до Верхососенска.

Стрелец нахмурился, зло посмотрел на Филиппа и ответил вознице:

– Не бойсь, цела будет твоя печатка. Чай не впервой! – Он аккуратно по изгибам сложил грамоту и хотел было ее отдать.

– Погодь-ка, Кирюха, – сказал старший. Он хитро подмигнул товарищу и снова развернул документ. – А кем подписана твоя грамотка, дохтур? – спросил он Готфрида.

– Да вот же, смотри, роспись дьяка Винууса! Видишь? – Готфрид ткнул пальцем в бумагу, одновременно другой рукой что-то вкладывая начальнику заставы в ладошку.

– О, теперь вижу – грамотка правильная, – сказал дружелюбно начальный стрелец. – Вот, держи свой документ, служилый. Сдвигаг рогатину, ребята, пушай добрые люди едут. Бог вам

в помощь. – И еще не дождавшись, когда отъедут путешественники, раскрыл ладонь и стал разглядывать, что ему в руку вложил иноземец.

Только когда они отъехали на две-три версты от заставы, Петр смог расслабиться и свободно вздохнуть.

– Ну что, как ты? – улыбаясь спросил друга Готфрид. – На-ка вот, протри лицо, – он протянул Петру салфетку, пропитанную уксусной водой, – а то у тебя вид такой, будто из бочки вынули. Я видел, как тебя передернуло, когда стрелец направился к повозке. Я и сам, признаться, немного перепугался... А когда он почувствовал в своей руке алтын...

– Так ты что, аптекарь, начальнику посул дал? – удивленно спросил Филипп. – То-то я смотрю, он сразу подобрел...

– А ты думал, он тебе просто так доброго пути пожелал?

Все засмеялись и начали наперебой шутить на эту тему, вспоминая различные случаи из жизни. Светило яркое солнце. Повозка, плавно колыхаясь, ехала по бугристой дороге. Перед взором Петра простирались холмистые степи с редкими низкорослыми деревьями и кустарником. Хвойная и широколиственная растительность медленно сменялась на мелко-лесье и кустарник, сквозь который проглядывали цветистые луга. Кругом слышалось щебетание птиц.

«Господи! – подумал он. – Степь и тот же кустарник... Какое-то наваждение».

– Где мы? – ни к кому не обращаясь, спросил Петр.

– Ой, дьяче, далече! – воскликнул улыбаясь возница. – Ну, ты и спишь, богатырь! Почитай, верст двести продрых, не меньше! Видать, хорошо тебя умотало... – И он на радостях дважды оходил крупы обоих меринов.

– Ты так метался и размахивал руками во сне, думали, уж не родимчик ли у тебя случился, – проговорил Готфрид. – Стали тебя будить, а тут как раз и застава.

– Сколько же я проспал?

– Да почти сразу заснул, как только Лебедянскую развилку проехали, – сказал Готфрид. Петр рассказал про сон.

– Теперь мы далеко, можешь успокоиться. Здесь он нас уже не достанет.

Петр откинул край рогожки и посмотрел на дорогу:

– Что это? Откуда столько стрельцов? Да все с саблями и при пищалях. Куда они идут?

Глава четвертая. Переправа

Действительно, примерно полсотни верховых стрельцов в малиновых и зеленых кафтанах во главе с пятидесятником, шумно перекликаясь, беспорядочной толпой двигались по тракту в сторону Москвы. Некоторые из них размахивали саблями и бердышами, другие же, зарядив пищали, с оглушительным грохотом стреляли вверх, выкрикивая при этом: «Вот так мы будем разговаривать с этими изменщиками!»

– Филипп говорит, что это московские стрельцы из Белгородского разряда. Идут мстить за своих товарищей, которых на Красной площади тогда посекли... Помнишь, ты сам рассказывал?

– Еще бы не помнить. Было страшно!

– Так что, мой друг, похоже, в Москве новый бунт намечается, – сказал Готфрид. – Это подтверждение того, что, даже если Языков останется у власти, то ему сначала нужно будет с ними справиться. А их видишь сколько? Да и с других уездов, наверное, тоже стрельцы к Москве подтягиваются. Вот и попробуй умири их. Нет, не до тебя ему теперь.

– Где мы едем? – спросил Петр.

– Подъезжаем к Ливнам, – откликнулся Филипп. – Здесь заночуем, дадим отдых лошадям, а завтра уже будем на месте, в Верхососенске.

Петр обвел взглядом окрестности, дорогу и вдруг обратил внимание, что встречные ездоки и пеший люд почему-то все идут мокрые.

– Глянь, Готфрид, отчего народ-то весь мокрый? Дождя вроде как нет.

– Да бес их знает, – ответил тот. – Может, с реки? Река-то, вон она, за кустами течет.

– Так холодно же, – возразил Петр и поежился, показывая, что не хотел бы быть на их месте. – Может, спросить?

– Зачем? – вмешался в их разговор Филипп, – скоро сами увидим.

Он разогнал лошадей под небольшую горку, и они средней рысью, обдуваемые весенним теплым ветром понеслись вперед. Чтобы не вывалиться из повозки, друзья легли на солому и ухватились за края. Вдруг повозка, не снижая скорости, круто повернула влево, и тут же раздался голос возницы:

– Тпру!

Лошади, почти встав на дыбы, резко остановились.

– Ты что, бесов сын, под конец угробить нас решил? – чуть не вылетев за борт, закричал на возницу Готфрид. – Что случилось?

– А вон погляди, аптекарь. – И Филипп кнутовищем показал вперед.

– Вот те на! – в один голос воскликнули Петр и Готфрид.

Спрыгнув с повозки на землю, они подошли к двум своим стрельцам, которые, спешившись, удивленно смотрели на открывшуюся перед ними картину. А посмотреть там было на что. Поперек дороги бурным потоком по каменистой переправе текла река саженей в десять шириной. Вода на камнях закручивалась в водоворот, а затем всей своей массой падала в низину русла. Это было самое узкое и мелководное место, где можно было перейти на другую сторону. Вереницы повозок, телег и верховых, подталкивая друг друга и колтыхаясь на камнях, медленно переправлялись через реку. Течение было не сильное, но пешему человеку приходилось упираться в дно ногами, чтобы их не снесло. Некоторые, неудачно прыгнув, соскальзывали с камня, теряли равновесие и падали вместе с вещами в воду. Водный поток сбивал с ног, и течение уносило их. Иные, выпростав руку с узлом над водой, а другой размахивая в воздухе, зывали к соседу о помощи. Идущие следом шарахались от них и, не оборачиваясь, торопливо обходили несчастных.

Местному воеводе приходилось ежегодно своими силами во время весенней распутицы засыпать дно камнями, чтобы не только конный, но и пеший мог пройти брод. Нередко этим трактом перемещались из Московии в Крым татарские возы с данью. Воевода не раз бил челом государю, просил выделить денежные средства на строительство моста через реку, но вопрос застревал в рутине Боярской думы и не двигался с места. Ближайший к царю боярин Иван Языков и окольный Алексей Лихачев убеждали монарха: «Если хану не нравится, что наши „поминки“ и его одежда при переправе промокают, то пусть сам и строит мост, а мы уж как-нибудь и с такой переправой переживем. „Поминки“ мы выдаем ему сухие – какие к нам могут быть придирки?» Так, подсыпая каждый год каменьев в реку, начальник заставы поддерживал переправу.

Кони наших героев только успели ступить в воду, как вдруг общее внимание привлекло ржание запряженной в телегу немощной старой кобылы на противоположном берегу. Поначалу смиренная, она вдруг неистово замотала головой. Беззубым ртом куснула стоявшего рядом палевого мерина и, громко зафыркав, дернулась вперед. Тщедушный возчик, чем-то похожий на свою клячу, с выцветшими волосами и тонкой морщинистой шеей, дремавший на высоком передке, от неожиданности свалился на землю и выронил поводья. Почувствовав свободу, лошадь рванула по отлогому берегу, зашла в реку по брюхо и стала жадно пить. Но тяжелая телега с тюками, разогнавшись, напирала на оглобли и толкала кобылу в глубину. Вдруг ее передние ноги провалились, и она сразу оказалась в воде по самую шею. Потеряв опору, лошадь задрыгала ногами в воде, пытаясь плыть, но повозка, увлекаемая течением, медленно опускалась под воду и тянула ее за собой. Какая-то крестьянская баба, переходившая брод, остановилась посреди реки и в ужасе вскрикнула:

– Матерь божья! Гляньте, гляньте, что деется?! Тонет лошадка-то, ей богу, тонет! Господи! – При этом она, воздев руки, отпустила узел с тряпьем и исподнюю рубаху, которые держала над водой, чтобы не замочить, стала охать и креститься, не обращала внимания на то, что узел с вещами течение мгновенно унесло прочь, а рубаха, распластавшись по воде, тотчас намокла.

Старик в исступлении скинул с худых плеч шерстяной армяк, сбросил шапку и подбежал спасать добро. Он успел ухватить рукой за тонущую повозку и попытался ее удержать. Но где там, сил у тщедушного мужичка было мало.

– Отпусти телегу, дурень, – кричали ему сразу несколько голосов. – Утонешь вместе с кобылой!

Тот еще некоторое время цеплялся за край повозки, но его лапти на кожаной подошве заскользили по мокрой глине, и он, потеряв равновесие, отпустил телегу и спиной упал в грязь. С трудом поднявшись, мужичок в неистовстве стал метаться в промокшей и испачканной исподней рубахе по берегу, подбегая то к месту, где барахталась лошадь, то к толпе зевак.

– Братцы, люди добрые, – вопрошал он, протягивая руки то к тонущей лошади, то к толпе, – помогите! Христа ради, спасите лошадку, тонет ведь лошадка-то, уйдет под воду. Ой, Господи, как же я теперь оправдаюсь перед воеводой Савелием Богданычем? – Старик яростно затряс руками, упал на колени и стал биться головой о землю, причитая: – Настенька, внучечка моя, что же теперь с нами бу-у-дет?

Народ на берегу замер и стал внимательно наблюдать, как лошадь, задрала голову кверху и вращая налитыми кровью безумными глазами, из последних сил бьет передними ногами по воде, погружаясь все глубже. Даже те, кто переходили брод, остановились на середине холодной реки и в напряжении ждали, чем все это закончится.

Через минуту все стихло. Движение на переправе возобновилось. Телеги, переваливаясь с боку на бок, так же лениво колтыхались по колдобинам, а народ, перепрыгивая с камня на камень, торопился перейти ледяную реку. Мужик, продолжая стоять на коленях, ругал

судьбу и вопрошал Господа Бога, за что тот его так сильно покарал. Промокший люд, ежась от холода, пробежал мимо, не проявляя ни малейшего сочувствия к его несчастью.

Глава пятая. Помяс Офонасий

Недалеко от переправы на живописном холме правого берега реки среди дымных лачуг и могучих ясеней возвышался добротный, в два жилья, обнесенный высоким дубовым частоколом сруб. Это был постоялый двор, в котором нередко останавливались посланники южных государств, дьяки, подьячие и толмачи Посольского приказа, а также находили отдых дети боярские, купцы, стрельцы, посадские люди и даже простые тяглые крестьяне. Туда же устремлялись и промокшие до последней нитки паломники, чтобы обогреться, обсушиться и утолить голод чем бог пошлет. Наши путники тоже решили остановиться на постоялом дворе, надеясь на ночлег и сытный обед. Проезжая мимо несчастного мужика, рыдающего на земле, Петр дал знак вознице остановиться. Соскочив с повозки, он подошел к бедняге.

– Эй, мужик, держи алтын. – Петр кинул монету на землю. – Лошадь, конечно, на него не купишь, но согреться и обсушиться на постоялом дворе можно. А то, не ровен час, заболешь. Что в телеге-то было? – просто так заинтересовался Петр. – Рухлядишка, что ли, какая?

Мужик подобрал монету и, зажав ее в кулаке, всхлипывая, проговорил:

– Мешки со сбором были. Вез их в Москву в Аптекарский приказ, как ягодную повинность, да и поделки разные... Думал, сдам в приказ, вернусь, успею вспахать свою десятину... Верну лошадку Севелию Богданычу, нашему местному воеводе. Я ведь ее с отдачей брал. Внучку свою Настеньку по долговой грамотке у него за лошадь оставил. Эх! – Он вздохнул, закрыл локтем лицо и беззвучно зарыдал.

Петр от удивления открыл глаза:

– Так ты что, мужик, помяс, что ли?

– Да, – подтвердил тот, тылом кулака вытирая мокрые от слез глаза.

– Откуда сам?

– С Верхососенска.

– С Верхососенска? – повторил Петр. – Это не тот ли Верхососенск, что в Белгородском воеводстве?

– Да, он самый, – шмыгнув носом, сказал мужик. – Только ближе к Изюмской черте.

– Готфрид! Готфрид! – позвал друга Петр. – Иди сюда скорее.

– Что случилось? – спросил аптекарь взволнованно, подойдя.

– Ты представляешь, он помяс, и как ты думаешь, откуда?

Готфрид недоуменно пожал плечами, как бы говоря: «Ну и что? Мало ли помясов?»

– С Верхососенска!

– Да ты что? – удивился тот и оценивающе смерил мужика взглядом. – Вот неожиданность! А мы как раз туда едем. Много вас, помясов, в Верхососенске?

– Всего трое, – грустно ответил тот. – Я, мой сродственник да моей жонки брат Василий. Еще моя внученька Настенька помогает нам. Господи! – воскликнул снова мужик. – Что же теперь будет с моим ребенком, в холопки девка пойдет. Горе-то какое. Где я возьму лошадь, чтобы вернуть воеводе? Ой, ой! – застонал мужик. Он склонил голову, обхватил ее руками и, качаясь из стороны в сторону, снова зарыдал.

– Как звать-то тебя? – спросил Готфрид.

– Офонасий.

– Сочувствуем твоему горю, Офонасий, – сухо произнес Готфрид.

– А знаешь что, – проговорил вдруг Петр, – теперь тебе ехать в Москву нет никакой надобности, да и не на чем. Поехали с нами. В повозке места хватит. Покажешь нам, где в Верхососенске самые лучшие травы растут. Бог даст, где-нибудь раздобудем тебе лошадь...

– Как же я, кормилец, могу показаться на глаза Савелию Никитичу без лошадки? Да нешто он поверит, что в нее бес вселился и она сама пошла и утопла?

– Мы свидетели, подтвердим! Поехали.

Мужик некоторое время колебался, но затем, согласившись, спросил:

– Ехать нужно сейчас, или вы на постоялый двор завернете?

– Заночуем здесь, нашим лошадям отдых нужен, а с первым часом в дорогу.

– Ладно, – сказал помяс, – можно, я посижу здесь еще немного. Не могу сразу уйти. Так и кажется, что она вот-вот выйдет из воды.

– Хорошо, ждем тебя на постоялом дворе.

На этом они распрощались. Возница хлестнул каждого коня по крупу, и повозка покатила вверх по склону в направлении постоянного двора.

Глава шестая. В кабаке

Они въехали в настежь открытые ворота. Двор был большой, с пристройками: утепленный омшаник для пчел, ледник с надстроенным над ним сушилом и широкий склад для хранения товара. Все места близь сруба были плотно уставлены повозками, телегами и возками – да так, что не пройти меж них. Даже в стойлах для лошадей и в тех не было свободного места. Оставив стрельцов на дворе распрягать коней, Петр и Готфрид пошли к дому. Сбоку к срубам была прилажена крутая лестница, ведущая в верхние помещения – для важных постояльцев. У крыльца нижнего этажа несколько пьяных гостей – местных селян, судя по потрепанным кафтанам и опоркам вместо сапог, развлекались, дразня двух разъяренных цепных псов, которые с текущей из пасти слюной бросались на них, грызя палки. Пройдя сени, друзья вошли в питейный зал. В кабаке стоял гул. В нос им ударил затхлый запах водочного перегара, протухшей рыбы, прокисших щей и потных тел.

Скинув с плеч овчинные тулупы, они быстро достали из обшлагов своих кафтанов сложенные в несколько слоев куски ткани и, смочив их уксусной водой, приложили к носу, как они обычно делали в лечебных палатах Рязанского подворья. Потом огляделись. В тусклом свете коптящих сальных свечей сквозь сизую дымку просматривалась большая печь в центре зала, вокруг которой, словно мухи у сладкого пирога, сидели с десяток простолюдинов в исподнем. Щедрый целовальник за отдельную плату разрешил смердам обогреться и сушить у печки свои промокшие пожитки. В отдалении, в темном углу на полу, на разостланных бумажных матрасах, залиvisto храпя, вповалку лежали несколько постояльцев, укутанных кто в охабни, кто в нагольные тулупы. За кабацкой стойкой, где сальных свечей было больше, склонившись над толстой тетрадь, что-то записывал туда хмурый целовальник. В другой части зала стояло несколько массивных дубовых столов с приставными скамьями. За одним из них, самым длинным, сидела группа местных стрельцов в синих и зеленых кафтанах. Посреди стола стояло деревянное ведро, из которого они по очереди черпали оловянными кружками хмельной мед, крякали и сплевывали прополисную шелуху на пол. Разговаривали.

Готфрид с Петром сели за небольшой свободный стол, и к ним тут же подскочил помощник целовальника, молодой, юркий, с кучерявой светлой шевелюрой, по виду родственник. Спросил:

– Вы с ночлегом али без?

– Будем ночевать, – ответил Готфрид. – Но сначала дай нам поесть и какого ни на есть взвара.

– Из еды остались только два чугушка гречневой каши да чугуны щей, – разводя руками, тихо сказал паренек. – Все поели идущие к Москве стрельцы. – И он кивнул в сторону кухни, где в открытую дверь можно было видеть стоявшую на полу груды невымытой посуды.

– Ого! – удивился Готфрид. – А зачем стрельцы к Москве идут? – полюбопытствовал он.

Паренек оглянулся, склонил голову и почти шепотом произнес:

– А что, ваша милость разве не слышал, что царь помер, а стрельцы бунт затевают?

– Что царь помер, знаем. А вот про бунт не слышали.

Готфрид многозначительно взглянул на Петра.

– Ну да ладно, делать нечего, неси щи да кашу. Только с нами еще трое наших товарищей.

Про взвар не забудь, – напомнил он.

– Какой желает взвар – на кардамоне али на меду с хлебным вином? – на польский манер спросил прислужник, обращаясь к Готфриду.

– Хмельного не пьем, только ягодный.

Вошли стрельцы.

– Ну что, пристроили повозку с лошадьми? – спросил Петр.

– Едва втиснулись в самом заду двора, – сказал Филипп. – А коней пришлось аж у выгребной ямы к шесту привязать. Мест совсем нет. – Он оглядел зал. – Чудно как-то. На дворе не протолкнешься, один возок лезет на другой, а здесь простор. Куда ж народ подевался?

– А вся голытьба да бражники заливают в кружале у кабацкого головы, сына боярского Федьки Голятина, – сказал один из местных стрельцов, услышав вопрос возницы. – Его питейная изба стоит аккуратно под тыном, где ты коней привязал. Они своих лошадей и телеги пооставляли на здешнем дворе, а бражничать пошли к соседу.

– А там что, мед слаще да закуска вкуснее? – с иронией спросил Филипп.

– Да у него с роду никакого меда не было, – встрял в разговор соседний стрелец. – У Федьки грошовое питье – брага да пиво. Еды нет. Да и где ты видал, чтобы бражник закусывал? Они туда и ходят только из-за того, что дешево. – Стрелец взял кружку и пересел на край скамьи ближе к нашим путникам, чтобы не кричать. Он опустил голову, выдохнул и одним махом опрокинул содержимое кружки в рот. Вытер усы и проговорил: – Федька – хищник! – Он снова потянулся к ведру. – Свою брагу и пиво он настаивает на дурмане. А его целовальник распевает: пейте православные, веселитесь, сегодня у нас все даром! Народ от двух-трех чарок с ног валится как сноп. Некоторые в беспамятстве валяются – кто в кружале, кто у ямы под тыном, и лишь на третий день просыхают. Иной раз не поймешь, кто в луже, человек али свинья. А когда приходят в себя, то ни денег, ни одежды на нем нету, окромя кабальной сказки в руке, написанной подьячим. Что делать? Куда идтить? Остается только в Холопий приказ, откуда дорога тебе только одна – к новому хозяину. Вот так-то! – Стрелец выпил мед до дна и отер рот рукавом. – А доход у Федьки, говорят, поболее будет, чем у Афанасия, тутошнего головы, – продолжал тот рассказывать. – На торгу на майдане он целый ряд занимает. Торгует разной рухлядью, отобранной у питухов. Слыхал я, что он и питейную избу не починает, чтобы ему откупную цену царь не поднял. Во как делают умные люди.

– Мрачные вещи ты говоришь, брат, – отозвался Василий, московский стрелец. – Выходит, что сюда не дошел еще царский указ, чтоб не имать у народа последнее.

– А что, в Москве не берут последнее? – вмешался в разговор еще один местный стрелец. – Ваши московские стрельцы, наши товарищи, они что, надесь ради потехи, что ли, под огневой бой мушкетов да пищалей пошли? Демка Валуев, посыльный десятника Кирьяна Ведерникова из Пыжова полка, что нынче прискакал в Ливны, чтобы предупредить сродника о мятеже, сказал, что беда идет. Полковники совсем осатанели. Сказал, что не только их, но их семьи изводят. Заставляют, говорит, детей наших да женок работать на своих вотчинных землях как последних холопьев. Денег положенных не платят. Никакой управы на них не найдешь. Боярин Языков да Юрка Долгоруков, говорит, их защищают, облыжно обвиняют, что мы якобы пьяных челобитчиков к ним посылаем. Нещадно секут их на съезжей избе. Третьего дня, сказывал Демка, учинили мирным стрельцам расстрел на Пожаре² [1] [2]. Беда. А теперь, когда царя, нашего защитника, не стало, будет еще хуже, скоро всех стрельцов холопами сделают. Смотрите, и сюда придут, если, говорит, вы в своих окрестностях не поддержите нас, то ваш воевода и вас всех в бараний рог скрутит. – Последние слова стрелец проговорил вполголоса с оглядкой на целовальника и его помощников.

Возбужденный сказанным, стрелец нервно зачерпнул мед дрожащей рукой и почти залпом опустошил кружку. Петр сразу же вспомнил своего товарища по школе, стрельца Никодима, которого по приказу боярина Языкова покалечили на дыбе, вывернув ему руки из плечей.

– Что верно, то верно, – встрял в разговор широкомордый, с насупленными бровями кряжистый стрелец. – Это на Москве, после того как государь отменил насильства к питухам, целовальники перестали выколачивать из них деньги и разрешили родне забирать их из кру-

² [1] [2] Красной площадь стала называться со второй половины VXII века, а до этого она называлась Пожар.

жала еще до того, как они пропьются до креста. А у нас и по сей день все по-старому: если питух пьет, никто не смеет ему мешать и отговаривать – ни сродственник, ни друг, ни жена, ни сын. А если пил в долг да не отдал вовремя, то кабацкий голова зовет подьячего, тот пишет челобитную воеводе, а тот, согласно оной, отдает должника на откуп крепким артельщикам, которые выставляют его на площади перед воеводской избой на правеж. Бьют батогами нещадно, пока кто-нибудь из родни или кто другой не выкупят страдальца из жалости и не заплатят долг. Злодеи! – в сердцах воскликнул насупленный стрелец и тоже зачерпнул полную кружку меда.

– А почему воевода не усмирит целовальника, который не разрешает родственникам увести бражника домой? Ведь есть же царский указ! – простодушно спросил Петр.

– Почему, почему, – хохотнул стрелец с косматыми бровями, – да потому, что и мы, стрельцы, и сам воевода зависим от кабацкого головы и его дохода.

– Это как так – зависите?! – в один голос изумились наши герои.

– А так! – поддакнул еще один стрелец. – А ну, Степан, расскажи им.

Степан, пожилой стрелец, сдвинулся по скамье к краю, отхлебнул из кружки меда и, причмокивая, проговорил:

– По указу нашего царя-батюшки воевода должен нам ежемесячно платить жалование за нашу службу. Но денег у него нет, Москва не дает. Ему говорят: казна истощала, дыр в государстве много... Приказали воеводе столкнуться с кабацким головой. А для этого из Москвы прислали думного дьяка с царским указом о выплате нам положенного жалованья из «напойных денег». Кабацкий голова воспротивился, говорил: «Чем, мол, я буду в царскую казну откупные платить? Нет, говорит, даже полденьги не дам». Дьяк ему отвечает: «Под батоги пойдешь!» А тот ему: «А если я не соберу откупных, так меня на правеже кнутом бить будут. Велика ли разница?» Долго спорили, потом все одно сговорились. Голова дает деньги, но с условием, чтоб воевода не препятствовал стрельцам приходить в кружало и веселиться там и чтоб разрешил на кабацком дворе и в питейном зале устраивать скоморошеские пляски с медведями, бесовские игры с гулящими девками, а питухам играть в кости. Вот так!

Стрелец с досадой махнул рукой и потянулся кружкой к ведру с медом. В этот момент дверь распахнулась, и в зал из сеней ввалились два крепких мужика в красных кафтанах и заломленных к затылку шапках. У каждого из них на груди с обеих сторон были вышиты черными нитками две крупные буквы: «З» и «Я».

Глава седьмая. Стражи порядка

Это были земские ярыжки – низший чин Земского приказа. Они надзирали за порядком и пожарной безопасностью в городе. Но больше всего они любили собирать мзду с рыночных торговцев и волочить на расправу подозрительных, на их взгляд, людей, которые не совершали никаких преступлений.

– Ну вот, опять земские ярыжки кого-то схватили, – обернувшись на дверь, сказал широкомордый стрелец. – Ух стервецы! Управы на них нет. Хватают народ на улице почем зря и волокут на съезжую... Слишком много воли им дали наши бояре...

Стражи порядка в этот момент втолкнули в питейный зал тщедушного, в мокрой и порванной исподней рубахе, со связанными сзади руками мужика. Петр отклонился вбок и посмотрел на вошедших через плечо товарища.

– Готфрид, обернись, посмотри! – воскликнул он. – Это же Офонасий, помяс.

– Он! – подтвердил тот. – За что же его скрутили?

Мужик висел на мощных руках стражников, словно сломанная сухая ветка, и беспокойно мотал головой, как будто хотел чихнуть или сплечь.

– Эй, православные, – громогласно крикнул один из ярыжек. – Чья пегая кобыла привязана у ворот постоялого двора?

– Не та ли, что с белым пятном на глазу? – встрепенулся посадский, сидевший у печки.

– Та самая!

– Это моя лошадь, а что с ней случилось? – спросил он и стал спешно надевать свои еще не совсем просохшие пожитки.

– Вора поймали около твоей лошади, – ярыжка кивнул на все еще мотающего головой мужика. – Похоже, хотел увести. Когда мы подошли, он держался за повод, видать, уже отвязывал. Да вот у нас и свидетель есть. А ну, подь сюда, – позвал он стоявшего в сенях крестьянина. Крестьянин испуганно посмотрел на стражника и нетвердой походкой вошел в зал. – Скажи, что ты видал, каким воровством у ворот занимался арестованный?

Мужик исподлобья глянул на скуластое, заросшее курчавой бородой лицо стражника и черные буквы на его красном кафтане, и у него от страха подогнулись ноги. Упав на колени, он судорожно содрал с головы изъеденную молью баранью шапку и, прижимая ее к груди, заикаясь проговорил:

– Г-г-господине, я видал токмо, как у него на реке л-л-лошадка утопла и как он выходил из питейной избы до ветру.

– Ты же сказывал, что он держался за повод.

– Д-держался, кормилец, держался, – неуверенно произнес крестьянин, – но, кажись, токмо для того, чтобы не упасть в отхожее место, уж больно сильно его выворачивало.

– Раз держался за повод чужой лошади, значит, хотел ее украсть, – отрезал скуластый, видимо начальник. – Мы отведем его в приказную избу, пусть дьяк учинит ему розыск. А ты, мужик, – ярыжка кивком указал на крестьянина, – и ты, хозяин лошади, пойдете с нами.

– Помилуй, господине! – возопил посадский. – Да пошто ж я должен идтить к дьяку, когда моя лошадка на месте.

– На месте она потому, что мы вовремя поймали татя, – сказал начальный страж, придерживая одной рукой мужика, а другой беря под локоть посадского.

– Да ежели я с вами пойду, должен буду платить. А у меня одни дыры в мошне да вот эта старая кобыла с дровнями.

– Дьяк на съезжей избе объявит тебе, сколько ты должен за услужение, – сказал ярыга и добавил: – Никита, бери свидетеля, и пошли на съезжую.

Стражи закона забрали посадского, вытолкали обоих мужиков в дверь и вышли вслед за ними.

– За что они мужика-то загребли? – как бы ни к кому не обращаясь, проговорил Петр. – Он же едва стоял. Как он мог в таком состоянии выпрячь лошадь и увести ее? Здесь что-то не так.

Было видно, что вопрос относился к местным людям, а именно к соседям по столу. Петру было жаль старика, тем более помяса, и он хотел ему помочь, но не знал как.

– Если не откупится от ярыжек сейчас, на съезжей будет поздно, – сказал молодой, лет двадцати пяти, стрелец с перевязанной правой рукой. – Дьяк либо дыбу назначит для розыска, либо сразу кнут. Хорошо если только батогами отделается, а после кнута вряд ли мужичок выживет, уж больно хлипкок.

– А дорого от ярыжек откупиться? – осторожно поинтересовался Петр.

Готфрид метнул в его сторону вопросительный взгляд. Стрелец, наморщив лоб и вскинув глаза к потолку, проговорил:

– Обычный посул у них алтын, он здесь везде такой... Ну а с вас, московских, думаю по пятиалтынному запросят, за меньшее не отпустят, как пить дать.

– Пятиалтынный... – тихо произнес Петр, что-то соображая.

– Да не один, а каждому по монете, – услышав бормотание

Петра, сказал стрелец.

– Шустрые ярыги! – усмехнулся Филипп, выливая остатки щей из деревянной плошки себе в рот. – Этак еще столько ж к посулу – и телка купить можно. Стервятники! Ишь как разжирели на дармовых дачах, едва в дверь пролазят.

– Твоя правда, товарищ, – подтвердил слова возницы еще один местный стрелец. – Одно слово, что стервятники! Ты глянь, как мы живем, – продолжал он. – Малодший подьячий Разбойного приказа меньше чем за полтину и перо из-за уха не вытянет. Стрельцы били челом, когда царь был жив, а что получили? Жить стало невмоготу, все стонут от поборов...

– Ты чего задумал-то? – тихо спросил Петра Готфрид.

– Не верю я в его воровство, – сказал Петр. – Только полчаса назад лошадь с повозкой ушла на дно, и тут же идет воровать... Нет, не похож он на татя... Ты обратил внимание, что, пока ярыги его держали, он все время мотал головой – не вырывался и ничего не говорил, только мотал головой. Помнишь, когда я впервые появился в аптеке, тоже языком едва ворочал, потому что в сильном похмелье был. Я так думаю, наш помяс с моим алтыном пошел в питейную избу, и там его чем-то напоили. А ты слышал, что крестьянин сказал? Что его очень сильно выворачивало.

– Так ты что, хочешь мужичка выкупить? – догадался Готфрид.

– Хочу попробовать. Он помяс, сам из Белгородчины, куда мы с тобой едем. Он там все тропы знает, все места, где растут самые лучшие травы. Жалко если его покалечат. Я вспоминаю, как перед бунтом стрельцов боярин Языков Никодима, ученика нашего, отправил в съезжую на распрос с пристрастием, хотя государь при всех сказал боярину: не калечь мне студиоза. Все равно изломали. – Петр вытряхнул содержимое мошны на стол и стал считать деньги.

– Ну что? – спросил Готфрид.

– Если отдам два пятиалтынных, то остается семьдесят копеек. Если ужаться, то на неделю хватит. А там...

– Не переживай, у меня три полтины, две деньги и ефимок. Хватит. А там, как в нашей сопроводительной бумаге сказано, верхососенский воевода должен нас как царевых слуг обеспечить жалованием. Да еще четверо учеников лекарской школы должны подвезать – может, они какой денежной подмоги подвезут от дяди.

Расплатившись с целовальником и прощаясь с местными стрельцами, Петр спросил:

– Далеко отсюда до съезжей?

– Да нет, версты полторы в горку, не боле. Ярыги-то, они с мужиками пешие идут, а на повозке вы их мигом настигнете.

– Давай, Филипп, вывози повозку, попробуем догнать ярыжек.

Глава восьмая. Не успели

Они вышли на двор. Вновь прибывшие возки да телеги непролазно загромоздили все. Кругом крик, ругань, драки... С большим трудом московским стрельцам удалось пробиться к своим коням, но найти пролаз и вывезти их на дорогу не было никакой возможности. Два впряженных мерина, разъяренно грызущихся между собой, плотно закрывали проход. Помощник целовальника, парень лет двадцати из донских казаков, бегал по двору и грозил какому-то посадскому, что вызовет из Разбойного приказа подьячего с ярыжками, если тот не уберет свою колымагу, загораживающую вход на крыльцо для важных постояльцев. Филипп подбежал к нему, дернул за рукав:

– Где хозяева этих жеребцов? Мне ехать надо, а они раскорячили свои телеги поперек!

– Ищи их там! – махнул тот рукой в сторону гомонящей толпы.

Поняв, что повозка застряла на дворе крепко, друзья решили пешком догнать ярыжек и постараться еще до съезжей избы договориться со стражами порядка о выкупе мужика. Предупредив стрельцов, они широким шагом направились по извилистой дороге. Село Ливны в то время состояло всего лишь из одной единственной улицы, по обеим сторонам которой располагались курные избы, крытые соломой, перевязанной перекрученными полосками березовой коры. Дворов зажиточных крестьян было на десяток один. Как бы быстро Петр с другом ни шли, но ярыжек с пленником никак не могли догнать. Встречные путники на вопрос, не попались ли им земские ярыги с арестантами, разводили руками и отрицательно мотали головами. Примерно через версту дорога вдруг круто повернула влево и повела на холм, где за редкими деревьями виднелся высокий добротный частокол, а за ним – серые купола церкви. Через некоторое время они подошли к массивным дубовым воротам, над которыми под двускатным навесом висел образ Спасителя. Упав на колени в слякоть перед образом, Петр склонил голову и едва слышно прочитал молитву мытаря, прося Всевышнего защитить невинно арестованного. Готфрид же в отдалении по-протестантски сложил руки домиком и что-то бубнил себе под нос. В тот момент в проеме ворот появилась небольшая группа городских стрельцов, вооруженных пищалями и саблями. Петр быстро вскочил на ноги и посторонился, давая им дорогу. Возбужденные, они громко о чем-то переговаривались и яростно жестикулировали. Один, здоровяк в синем кафтане, потрясая в воздухе ружьем, кричал:

– Ну что, так и будем терпеть такую измену? Царя не стало – кто теперь нас защитит от бояр и наших воевод! Бояре вместе с полковниками еще по две шкуры с нас сдерут, если молчать будем. Слыхали, что давеча сказывал посыльный из Москвы?.. – Дальше следовал пересказ того, о чем на постоялом дворе говорили местные стрельцы.

– Ты все верно говоришь, Ефим, – поддержал здоровяка другой стрелец, после того как все они, поклонившись и перекрестившись на образ, продолжили путь. – Если мы не поможем нашим товарищам в Москве, то и нас скоро, как этих троих, – при этом он обернулся и махнул рукой в сторону двора, – краснокафтанники повяжут и на телеге как скот доставят на съезжую. Ух! – погрозил он кому-то кулаком.

Стрельцы пошли дальше, продолжая выплескивать заполнявшую их душу обиду на бояр и свое начальство.

– Вот почему мы не могли догнать ярыжек, – догадался Готфрид, – они мужичков-то на телеге везли.

– Опоздали! – с досадой воскликнул Петр. – Помяс, наверное, уже в застенке у дьяка на дыбе болтается. Что будем делать? Как его теперь оттуда выкупить?

– Не знаю, – сочувственно произнес Готфрид – Ну, не получилось, что ж... Сделали, что могли. Зато деньги целее будут.

– Жаль мужика, такое горе, лошадь с повозкой утопла, а тут беда откуда не ждал – краснокафтанники скрутили... Ох! – Петр тяжело вздохнул. – Знаешь, Готфрид, не хочу тебя неволить. Давай, ты оставайся здесь, дождись наших, а я один попробую поговорить с дьяком. Предложу рубль, вдруг дьяк сжалится и отпустит.

– Ты что такое говоришь, Петр! – чуть ли не обидевшись, возмутился друг. – Как можно остаться один на один с дьяком? Да мало ли что! А если дьяк заподозрит сговор, а воевода прикажет расспрос учинить? Как я тебя вызволю из застенка? Нет, одного я тебя не оставлю.

Они вошли на обширный двор, больше похожий на площадь, где недалеко от ворот в рядок стояли церковь с пристройками и колокольня. Слева и справа от ворот располагались богатые купеческие дворы в два жилья с узорными карнизами. А в глубине площади, за торгом, возвышалась приказная изба из толстых бревен с резными наличниками и кровлей из ясеневых гонтов. Это была рабочая изба городского воеводы, там он правил суд и заботился о безопасности феодальной собственности на вверенной ему территории. Несколько бирючей с шапками на посохе, переходя от дома к дому, стучали во все дворы и выкрикивали указание воеводы выходить на площадь, где будут судить татя. Народ отдельными кучками собирался на торгу и, приглушенно перешептываясь, высказывал догадки. Мужик лет под тридцать с длинной черной бородой, в заношенной и застиранной рубахе ладил помост из тесаных досок недалеко от съезжей избы. Друзья подошли к нему.

– Эй, человек! – постучав тростью по дереву, окликнул плотника Готфрид. – Для кого помост мастеришь?

– Для татя! – делая замах топором, ответил тот.

– А что тать украл?

– Кажись, лошадь.

– И розыск уже был?

– Заканчивается.

– И что ж, сознался тать?

Плотник хмыкнул и удивленно снизу вверх посмотрел на Готфрида. Он с особым любопытством некоторое время разглядывал его добротный дорожный темно-серый полукафтан с отложным воротником.

– Чудно говоришь, господине. Твоя милость, видать, иноземец и ни разу не был на съезжей избе, поэтому не знаешь, что на дыбе все сознаются.

– Твоя правда, на дыбе не бывал и не хочется быть. А какое ему назначили наказание?

– Говорят, что дьяк определил ему батоги и левое ухо отсечь. Сказывал, что татьбы не было, а умысел был. Вот за умысел, в назидание другим, и определил двадцать пять батогов и ухо.

– А воевода где? – взволнованно спросил Петр.

– Где ж ему быть? На месте воевода, в своей палате. – Мужик повернул голову и показал рукой на три овальных окна на втором этаже. – Вон его три оконца. Работает боярин.

– Не знаешь, можно ли ему челом бить?

– В избу стрельцы не пустят. Жди здесь, как только татя выведут на площадь, он и спустится.

Петр с Готфридом отошли в сторону. Петр огляделся, чтобы никого рядом не было, и прошептал:

– Значит, мужика уже пытали на дыбе. Несчастный, наверное, сознался во всех грехах, которых не совершал...

Готфрид молча качнул головой в знак согласия.

Глава девятая. Расправа

Спустя минут десять ворота приказной избы распахнулись, и два крепких молодца в красных рубахах за руки выволокли безжизненное тело мужика и плюхнули со шлепком, словно куль с мокрой глиной, на помост лицом вниз. Два стрельца, выйдя следом за ними из ворот приказа, поставили у стены стол, скамью, а чуть поодаль – кресло. Место за столом занял дородный дьяк боярской осанки в шелковом кафтане, подбитом лисьим мехом и в меховом колпаке. Он положил скрученный свиток допроса на стол, снял с шеи чернильницу и, повернувшись к пустующему креслу, замер в ожидании. Несколько любопытных осторожно приблизились на допустимое расстояние к помосту и, вытягивая шеи, старались разглядеть преступника. Через некоторое время в сопровождении четырех стрельцов, слободского старосты и нескольких дворян вышел с верхнего этажа своей канцелярии на площадь воевода – старый, тучный, с седыми лохматыми бровями и нездоровым цветом лица. Одет он был в атласный зипун, поверх которого накинута охабень. Ворота зипуна воевода из-за одышки распахнул, борода нечесаными клочьями свисала на голую грудь. Он грузно сел в кресло. Подошел дьяк, поклонился в пояс и спросил, можно ли начинать? Воевода молча, с интересом обвел взглядом собравшихся на площади людей.

– Дьяк, мало народа собралось, – усталым голосом проговорил он. – Видать, бюричи совсем обленились, не оповещают люд, не радеют как надлежит о государевой службе. Ну да ладно, – махнул он рукой, – давай читай.

Дьяк развернул свой свиток и громким голосом зачитал сказку о винах осужденного мужика, свидетельские показания крестьянина и земских ярыжек, а также собственное признание виновного, полученное под пыткой.

– А посему, – читал дьяк, – тебе, Офонасий Овчина, травник-помяс Верхососенского уезда, за твой злой умысел совершить воровство назначаю батоги: десять ударов по спине, пять по животу и десять по ногам. А чтобы и дальше отлучить тебя от всякого лихоимства, ты проговариваешься к отсечению левого уха. – Дьяк свернул свиток и поклонился воеводе.

Тот тяжело встал и, выставив свою клочковатую бороду вперед, произнес:

– А ну, люд, кто еще знает, какие вины имеются за этим вором?

Народ зашевелился, зароптал, люди крутили головами, вытягивали шеи, отворачивались, чтобы не встретиться взглядом с воеводой или дьяком. Знали: если взор сойдется, позовут, а там дьяк найдет способ добыть всю подноготную. У каждого за душой есть что скрывать.

Петр со страдальческим выражением на лице смотрел на прикрытое армяком и почти неподвижное тело помяса. Он в ужасе представлял себе, как сейчас этого измученного пыткой и горем мужика двое палачей в красных рубахах будут дубасить палками. Петр вдруг сорвался с места и, упав перед воеводой на колени, склонился в земном поклоне.

– Бью челом тебе, боярин!

Готфрид от неожиданности застыл на месте. Он знал, что Петр собирается выкупить мужика, но не предполагал, что это случится именно таким образом.

– О каких неизвестных нам еще винах этого татя ты знаешь? – тяжело дыша, спросил воевода.

– Ни о каких, государь! – ответил Петр.

– Тогда о чем челом бьешь? И кто ты таков, скажи?

– Я Петр Постников, младший подлекарь Аптекарского приказа. Бью челом тебе, воевода за этого несчастного.

– Почему ты хлопочешь за татя? Ты его знаешь?

Гвалт в толпе смолк, люди затаили дыхание, с удивлением смотрели на молодого красивого парня и ждали, что он ответит.

– Нет, я не знаком с ним. Но он не тать! – с жаром воскликнул Петр. – Он помяс! Он собирает травы для Аптекарского приказа. Сегодня на переправе у него случилась беда – утонула лошадь с телегой...

– А откуда, лекарь, тебе знать, что помяс не может покрасть лошадь? – перебил Петра воевода. – Тем более только что лишившийся ее? Уж не из одной ли ты с ним разбойничьей шайки? А ну-ка, дьяк, расспроси этого молодца.

Петр не успел сообразить, что происходит, как двое дюжих стрельцов подскочили к нему, заломили назад руки и, рывком поставив на ноги, поволокли к столу дьяка. Резкая боль пронзила все тело Петра.

– Ну-ка, ребята, – кивнул дьяк ярыжкам, – а теперь поднимите-ка мне этого вора с места.

Два других здоровяка схватили помяса за вывернутые руки и волоком подтащили его к дьяку. Мужик взвыл от боли и уронил голову на грудь. Дьяк сгреб в кулак редкие растрепанные волосы травника и, повернув его голову к Петру, спросил:

– А ну сказывай, холоп, это пособник твой?

Мужик вращал налитыми кровью глазами и мычал что-то нечленораздельное, из чего дьяк понял только одно: «Я его не знаю!»

– Зато он тебя знает, – наклонившись почти к самому лицу несчастного, недобрый голосом проговорил дьяк. – Братцы, тащите этого молодчика в съезжую, там поговорим.

В этот момент на площадь выехали два верховых стрельца, а следом за ними – Филипп с повозкой. Готфрид заметил их, махнул им рукой и стал проталкиваться сквозь образовавшуюся перед ним толпу. В его голове молнией промелькнула мысль: «Как знал, что такое случится!»

– Дьяк, остановись! – крикнул он.

Народ на площади затих и насторожился. Слышались только отдельные шорохи да хриплое дыхание воеводы. Дьяк нахмурился и недоуменно посмотрел на чужака. Затем перевел взгляд на воеводу. Тот медленно встал со своего кресла и с трудом распрямил спину. Четверо охранявших его стрельцов замерли в ожидании. Некоторое время воевода пристально вглядывался в лицо незнакомца. Перед ним явно был иноземец, он понял это по выправке и осанке Готфрида. Через город часто проезжали разные иностранные вельможи, некоторые даже бывали у него в гостях. Но еще ни один не позволял себе так своевольно вести себя.

– Ты кто, иноземец? – натужно проговорил он.

Стрельцы, как верные псы ожидая команды, вопросительно смотрели в глаза боярину.

Готфрид сделал правой ногой шаг назад и, отведя левую руку с тростью в сторону, поклонился.

– Бью челом тебе, боярин! – произнес он, глядя на воеводу, но оставаясь в поклоне. – Я Готфрид Грегори, государев аптекарь-алхимист. А этот человек, – Готфрид тростью указал на Петра, – лекарь Аптекарского приказа. По распоряжению главы приказа мы направляемся на сбор лекарственных трав для пополнения казенки царской аптеки. А в подтверждение моих слов вот тебе, боярин, царская грамота, подписанная думным дьяком Андреем Андреевичем Виниусом. Тут же стоит и печать. Надеюсь, тебе знакомо это имя. – И Готфрид передал документ в руки подбежавшему стрельцу.

Воевода развернул лист и прочел первые строки грамоты:

– «7190 года (1682) апреля 25 по указу великого Государя Царя и Великого князя Федора III Алексеевича, всея великая и малая и белыя России Самодержца всем воеводам и стольниками и другим чинным людям предписывается...»

Воеводе был знаком текст этой грамоты, и он прекрасно знал: тому, кто не исполнит царский указ, грозит достаточно суровое наказание вплоть до бития кнутом с последующим заключением в тюрьму или ссылка. Имя грозного думного дьяка Виниуса воеводе было тоже хорошо известно. Он был одним из самых приближенных к царю иноземных думных дьяков и отвечал за состояние главной царской аптеки, а стало быть, и за здоровье самого государя и членов его семьи. Еще в царствование Михаила Федоровича, первого из Романовых, всего в ста пятидесяти верстах от Москвы, под Тулой и Воронежем, его батюшка Андрей Виниус основал оружейный завод, который лил пушки и ядра к ним. И хоть уже давно заводы находились под надзором местных воевод, Андрей Андреевич по поручению государя дважды в год самолично инспектировал литейни и проверял качество производимого на них оружия. Каждый раз, когда дьяк Виниус возвращался после инспекции из Воронежа, он останавливался на короткий отдых у воеводы в Ливнах. В одну из таких поездок колымага, на которой думный дьяк ехал на инспекцию, перевернулась на переправе через реку. Дьяк и все, кто с ним находился, промокли до нитки. Воевода, неподдельно сокрушаясь, выражал сочувствие любимцу царя и, воспользовавшись случаем, попросил дьяка Виниуса хлопотать перед государем о выделении ему денежных средств для строительства моста, намекая на то, что это как-никак все-таки важный тракт и что по нему часто передвигаются знатные вельможи. «А скажи на милость, воевода, какая мне корысть хлопотать за тебя перед государем? – просушивая свое исподнее, сказал тогда дьяк Виниус. – Бей сам челом Ивану Богдановичу Хитрово, он в приказе Большого дворца как раз каменными делами и занимается». – «Боязно! – трусливо отвечал на это воевода. – Он в товарищах с грозным боярином Языковым, а ты Андрей Андреевич...» – «Ах, тебе боязно? – удивленно воскликнул дьяк. – А не будет ли тебе, воевода, еще боязней, если я ударю челом государю и пожалуюсь, что по твоей вине до нитки промок на твоей переправе, потому что ты недостаточно хорошо ее засыпал камнями?» Воевода представил себе царский гнев и побелел от страха. С тех пор, как только он узнавал, что думный дьяк Андрей Виниус едет из Тулы с инспекцией в Воронеж, он тут же сгонял всю местную бедноту на работы по засыпке переправы. И засыпал так, что колеса колымаги дьяка едва касались воды.

– Это твоя бумага, иноземец, – сказал воевода, возвращая грамоту Готфриду. – А есть ли такая же у лекаря? – И он пристально посмотрел на Готфрида. Воевода надеялся на то, что грамота одна и у Петра такой не окажется. Тогда под предлогом соучастия в преступлении и угрозой пытки он сможет получить выкуп.

– Прикажи стрельцам отпустить руки лекаря, и он покажет тебе свою бумагу.
– Дьяк, отпусти лекаря, – велел воевода.

Дьяк махнул рукой, и стрельцы освободили Петра, но остались стоять рядом. Петр подергал плечами, как бы разминая их, затем полез под кафтан, достал из потайного места грамоту и подал стрельцу, который вручил ее воеводе. Тот раскрыл бумагу и вперился в печать Аптекарского приказа и подпись дьяка Виниуса. Печать и подпись были настоящими.

– Держи, иноземец, – воевода протянул документ Готфриду. Тот в два прыжка оказался около него, взял грамоту и быстро сунул за обшлаг кафтана. – Уезжайте без задержки туда, куда направлялись, – хмуро добавил он и повернулся к дьяку: – Дьяк, продолжай.

– Спрячь царскую грамоту, и поехали отсюда скорее, – сказал Готфрид Петру.

Но тот проявил упрямство:

– Послушай, раз с нами ничего не случилось, давай попробуем выкупить помяса у воеводы.

– Ты с ума сошел, Петр! – ужаснулся Готфрид. – Нас немедленно закуют в железа и отправят в застенки...

– Я не могу бросить помяса, – настойчиво проговорил Петр и сделал шаг в сторону воеводы.

– Стой! – остановил его Готфрид. – Хорошо, только ты молчи, говорить буду я.

– Боярин! – Готфрид снова поклонился воеводе. – Еще раз бью тебе челом.

– Ты отвлекаешь нас от работы, иноземец. Что ты просишь?

– Отдай нам помяса, мы заплатим за него выкуп. Он нужен нам для сбора лекарственных трав, он знает места, где растут нужные царской аптеке травы.

– Тать может быть выкуплен только после наказания. Хошь жди, а не хошь, уезжай. Начи-най, – крикнул воевода дьяку.

Два молодца в красных рубашках с закатанными рукавами быстро оседлали неподвижно лежащего мужика. Один коленями зажал ему голову, другой сел на ноги. Дьяк рубанул рукой воздух, и оба палача, чередуясь, забарабанили палками по спине извивающегося помяса. Дьяк вслух отсчитывал удары. Петр, увидев истязание невинного, закрыл голову руками и отвернулся, чтобы не слышать крики и стоны бедолаги. Готфрид, напротив, стиснув зубы, зло смотрел на творящееся беззаконие и судорожно думал, как спасти несчастного уже не столько от наказания, сколько от смерти. И вдруг глаза его заблестели. Он взглянул на воеводу и неожиданно для себя воскликнул:

– Боярин, останови расправу!

– В чем дело?! – Воевода поднял руку вверх, останавливая казнь. – Ты что себе позволяешь, иноземец! – Насупив брови, он строго посмотрел на Готфрида. – Давно не был в съезжей избе?

– Хочу тебя предупредить, – громко произнес Готфрид. – Я намерен сейчас же отправить верхового гонца в Аптекарский приказ к думному дьяку Виниусу с сообщением о казни верхососенского помяса, который знает, где растут в изобилии необходимые лекарственные травы для царской аптеки.

– Ты что? – испугался воевода. – Я действую по закону.

– Этот помяс важен для Аптекарского приказа. Если он умрет, тебе придется держать ответ перед дьяком Виниусом, который потребует от тебя прямых доказательств воровства. А их, кроме слов ярыжек и признания под пыткой, у тебя нет. Лошадка-то на месте. Десять стрельцов, которые это видели, могут подтвердить.

Воевода изменился в лице, всклокоченная борода затряслась. Вытаращив глаза и открыв рот, он некоторое время беззвучно и с ужасом смотрел на Готфрида. Тот, в свою очередь, незаметно переложил трость-шпагу в правую руку, а левой попытался привлечь внимание Петра, который смотрел, не понимая, что происходит, и переводил взгляд то на воеводу, то на друга.

Будь воевода чуть подогадливее, понял бы, что иноземец его просто запугивает и нет у него никаких десяти стрельцов-свидетелей, к тому же сегодня, в день похорон царя в Москве, никому нет дела до того, как несет службу воевода на отдаленных рубежах Московского государства. Но воевода сразу представил себе московский застенок у думного дьяка: тусклый свет, пробивающийся сквозь зарешеченное оконце, закопченный от жаровни потолок, забрызганные кровью стены. А самое главное – петлю, свисающую с потолка, и доску под ней в виде качелей – дыбу. Точно такая же находится вот за этими воротами, и воевода, следуя своим мыслям, повернул голову в сторону съезжей избы. От этих мыслей его чрево свело судорогой. Он знал, что ни один человек, какой бы силой и терпением он ни обладал, не утаит на дыбе никакую тайну, а если не знает ее, то очень правдоподобно придумает. Воевода быстро перевел взгляд на распластанного на помосте мужика и, не желая испытывать судьбу, сказал:

– Забирай, иноземец, своего вора и уезжай из города!

– Без выкупа?

– Нет, выкуп заплатишь. Я не могу просто так отпустить татя.

При этих словах Петр встрепенулся, сделал шаг вперед и хотел, судя по всему, крикнуть, что помяс никакой не тать. Но Готфрид, как будто предвидя это, взмахнул тростью и ударил его по ногам. Ноги Петра подкосились, и он упал на колени. Этот эпизод у всех вызвал бурю восторга. Воевода тоже улыбнулся и уже более миролюбиво добавил:

– Сам понимаешь, иноземец, татю был учинен розыск, составлен расспросный лист, где стоит моя печать и подпись дьяка. Если прибудет инспекция из Разбойного приказа, что я им скажу? А теперь как-никак наказание исполнено, но ухо не отрезано, потому что ты его выкупил.

– Сколько требуешь выкупа?

– Рубль серебром.

Готфрид задумался, мельком взглянул на надувшегося Петра, а затем произнес:

– Хорошо! – Он достал из-под кафтана мошну, сунул в нее руку и, зачерпнув горсть монет, выдвинул по ладони большим пальцем толстую монету с клеймом или, как говорили в народе, с «признаком». – Держи, это самое лучшее серебро в Московии.

Воевода взял монету, зажал ее в кулак и прикрыл глаза от удовольствия. Затем разжал пальцы и нежно погладил сверкающий на солнце металл.

– Да, – протяжно произнес он, – давно я не держал в руках ефимок. Дьяк! – крикнул он. – Освободи татя. Пусть забирают своего мужика, а сам иди сюда, пиши отписку в Разбойный приказ.

Оба палача нехотя поднялись и, забрав свои палки, ушли в съезжую избу.

Готфрид и Петр с помощью стрельцов молча погрузили истерзанное тело помяса в повозку.

– Ну что, аптекарь, – сказал возница Филипп, – возвращаемся на постоялый? Там в подклетки для нас бумажники расстелили...

Готфрид обернулся, мельком взглянул на воеводу. Тот, пока дьяк писал отписку в Разбойный приказ, все еще поглаживал и ласкал ефимок.

– Какой постоялый, Филипп! Гони лошадей! – крикнул Готфрид. – Пока воевода не пришел в себя. Не успеем уйти, все окажемся не на бумажных матрасах, а на каменном полу в застенке.

Глава десятая. Примирение

Солнце уже скрылось за лесом, и только где-то далеко на западе проглядывали отдельные тусклые его лучи, которые плавно заволакивались тяжелыми тучами. Скоро стемнело, поднялся ветер. Заморосил мелкий дождь. Филипп опустил рогожу, по которой порывы ветра тут же стали бить просеянным дождем. Подсохшие, чуть затвердевшие на дневном солнце колдобины вновь раскисли и превратились в вязкую грязь, которая лентой наворачивалась на колеса повозки, а потом, соскакивая с них, шлепками била по днищу. Друзья разместились по разным углам повозки и молчали, погрузившись каждый в свои мысли. Петр, укрывшись овчинным тулупом и свернувшись калачом, перебирал в голове случившееся. Он не понимал, за что друг ударил его тростью. Нельзя сказать, что ему было больно. Но он видел, как бурно народ на площади отреагировал на выходку Готфрида и как злорадно улыбнулся воевода. Петр чувствовал себя униженным, будто его публично высекли. На глаза у него навернулись слезы обиды. Готфрид тоже думал об этом. Он прекрасно понимал Петра, но не знал, как ему объяснить, что это был единственный способ избежать ареста. Хотя оба хотели разрядить обстановку, но ни один из них не решался заговорить первым.

Избитый мужик лежал между ними на соломе укрытый армяком и вяло стонал. Несколько раз, когда повозка наезжала на какой-нибудь бугор или проваливалась в яму, он громко вскрикивал от боли. Готфрид наконец нарушил молчание:

– Не мешало бы осмотреть его.

В тусклом сумеречном свете было видно, как Петр, повернув голову, глянул на друга исподлобья и, поджав губы, ответил:

– Ты его выкупал, ты и смотри!

– Я это сделал, потому что ты хотел его освободить. – В голосе Готфрида не было упрека, и Петр это почувствовал. И тут его прорвало.

– А заодно и меня наказать? – резко привстав на локте, выпалил он. – Только за что? В чем я перед тобой провинился? Что я такого сделал, что меня, как последнего холопа, нужно было высечь на площади перед всем народом – и особенно перед этим жирным воеводой?

– Мой друг, – Готфрид протянул руку и коснулся руки Петра. Тот сделал попытку отдернуть свою, но Готфрид не позволил. – Надеюсь, я не причинил тебе сильной боли? – дружелюбно спросил он. – Когда воевода назвал помяса татем, я тут же посмотрел на тебя и понял, что ты не удержишься и выкрикнешь, что этот несчастный помяс – никакой не тать...

– Именно это я и хотел сказать, – обиженно вставил Петр, – но ты мне помешал, ударив меня под колени.

– Не ударь я тебя вовремя, мы бы уже были в съезжей избе на расспросе!

– За что?! – тут же забыв про обиду, удивился Петр. – Да и что бы он нам сделал? Ведь мы государевы слуги, у нас есть царские грамоты.

– Грамоты есть, да вот царя уже нет! – ответил Готфрид. – Скажи, кому сейчас до нас будет дело? Ты же сам перед нашим отъездом слышал рассказ дяди о том, что творится в царском дворце: Нарышкины с Милославскими власть делят, друг на друга с ножами лезут, каждый своего отрока в цари тянет. Ты думаешь, сегодня кого-то интересует, как местный воевода здесь царскую службу несет? Власть! Кто будет царем – вот что их сегодня волнует. Как говорил дядя, в тот день боярин Языков о тебе даже и не вспомнил, он думал только о том, как обезопасить себя – спасти собственную шкуру.

Готфрид замолчал, Петр задумался. Мужик, укрытый армяком, продолжал устало стонать, стрельцы в полудреме склонились к гривам лошадей, а Филипп, отпустив поводья, чутко дремал на облучке. Повозка медленно, переваливаясь с кочки на кочку, ехала по тракту.

– А меня-то ты за что ударил? – спросил Петр.

– Когда я подавал воеводе царскую грамоту, я заметил, что при упоминании имени дьяка Виниуса воевода побледнел и очень сильно испугался. Чего он боялся, я не знаю, но это навело меня на мысль напугать его еще сильнее и попытаться вызволить помяса. И как только начали бить нашего мужика, я крикнул, что немедленно отправлю гонца с донесением к дьяку Виниусу о безвинной казни белгородского травника. Он остановил палачей и некоторое время, как изваяние, не мигая смотрел на меня широко раскрытыми глазами. Я понял, что он сдался, радость переполняла мое сердце, когда он наконец произнес заветные слова: «Забирай, иноземец, своего татя и уезжай из города!» Душа моя возликовала... Но тут, скосив глаза, я увидел твое злое лицо. Стоило воеводе услышать твой голос, как он тут же вернулся бы к действительности и, вспомнив, что царь умер и его указы теперь не действуют, объявил бы наши грамоты фальшивыми. Этого я не мог допустить. Aber Gott sei Dank, du hast kein Wort gesagt!³ [2] [3]

Только теперь до Петра дошел смысл случившегося. Он повернулся к Готфриду и так же, как совсем недавно воевода, уставился на друга открыв рот.

– Что ты так на меня смотришь? – улыбаясь спросил Готфрид.

– Все-таки есть Бог на небе!

– И не только Он. Ангелы-хранители, оберегающие нас от всякого лиха, тоже с ним.

– Да! – согласился Петр. Он схватил двумя руками локоть аптекаря и сжал его. – Прости меня за мою обиду. Но было очень досадно.

– Понимаю. Да и ты меня прости, ничего другого, кроме как стукнуть тебя тростью, в тот момент мне в голову не пришло. Все нужно было решать очень быстро.

Наступила пауза. Повозка, свернув круто вправо, выехала на просторный, саженей в двадцать пять – тридцать шириной и в два локтя глубиной шлях. Этот тракт был вытопан еще в те далекие времена, когда конницы монголов и татар хана Батыея шли покорять молодую Московию. Дорога шла в лесостепной зоне вдоль одного из притоков Дона. Шлях был настолько широк, что встречные путешественники, разъезжаясь в сумерках, едва могли разглядеть друг друга. Кони, преодолевая земляной гребень, рванули вперед, отчего повозку потряхнуло так, что Петр и Готфрид едва не вылетели из нее. А помяс от толчка перевернулся в воздухе и ударился иссеченной спиной о деревянный настил. Он взвыл от боли, как будто его живого резали на куски.

– Эй, лекари, – сдвинув полог в сторону, крикнул возница Филипп, – вы чо там мужика распиливаете, что ли? Все окрест встревожили. Встречный люд шарахается от нашей повозки как от чумы. Думают, что лиходеи какие-то едут.

– А ты, Филипп, аккуратней через ямы и буераки переезжай, тогда мужик и кричать не будет, – резонно ответил ему Готфрид и, обернувшись к Петру, повторил:

– Нам нужно где-то остановиться, а то, не ровен час, помрет Офонасий.

– Стонет он больше от вывернутых суставов, их бы вправить. А для этого надобно унять боль. Но чем? – Петр осторожно расправил складку армяка под спиной травника. – Разве что применить метод доктора Зеттегаста – ударить палкой по лбу, – продолжал он размышлять вслух. – Так ведь можно силу не рассчитать, и тогда уж точно помрет несчастный, как Прошка Кислов.

– Так у меня же с собой специальный сбор: дикий мак, латук и лаудан. Дядя перед отъездом напомнил, чтобы я взял его на всякий случай.

– А в чем варить?

– И тигель я не забыл, – улыбнулся Готфрид. – Теперь осталось найти жильё, где бы мы могли остановиться.

– Не забудь, что не всякое жильё нам подходит.

³ [2] [3] Слава Богу, ты не сказал ни слова! (нем.)

– Это почему же?

– Потому что для приготовления декокта потребуется хлебное вино. А оно не в каждом доме бывает. Папенька мне сказывал, что по царскому указу народу разрешено варить питейное только по семейным праздникам, и то выпить они его должны не больше, чем за три дня. Поэтому неизвестно, будет ли в доме, который мы встретим, хлебное вино.

– Да, жалко.

– Что жалко? – не понял Петр.

– Вино мы могли бы купить у целовальника на постоялом дворе, если бы знать заранее, что все так получится.

Петр откинул спереди повозки полог и позвал возницу:

– Филипп, не видно ли где впереди постоянного двора или ямской избы? Нам бы остановиться – помяса осмотреть нужно.

– Темень кромешная, дьяче. Все черным черно как в преисподней. Вон, гляди сам. – Филипп рукоятью хлыста указал в ту и другую стороны дороги, по краям которой мрачно темнели кустарник и отдельные низкорослые деревья. – А вон огоньки, видишь, они словно светлячки прыгают в ночи. Это встречные повозки перекатываются с бугра на бугор.

– И эта чередка огоньков вдалеке – все повозки? – удивился Петр. – Мне казалось, что на дороге мы совсем одни.

– А разве ты, дьяче, не заметил, как нас иногда обгоняли брички, верховые да подводы?

– Мы за пологом ничего не видим, – сказал Готфрид. – У нас здесь другая забота – помяса выхаживать надо. Ты, Филипп, как бывалый, что думаешь?

– О чем? – спросил тот.

– Может, кого встречного спросить, есть ли где вблизи какое-нибудь жильё?

– На повозке в темень опасно приближаться к встречным, – отозвался Филипп.

– Почему?

– Примут за разбойников, пальнуть могут из пистоля или пищали. Лучше издали что-то прокричать, помахать фонарем, договориться, а уж потом без опаски подойти.

Петр посмотрел вперед поверх лошадиных спин, чтобы увидеть верхового стрельца, сопровождавшего их, потому что второй ехал позади повозки.

– Господи, – воскликнул Петр, – надо же, какой мрак, стрельца совсем не видно. Кто у нас там впереди едет? – Он стал напряженно всматриваться в темноту. – Похоже, как будто Василий, но худоват. Может, Егор?

– Да дьявол их разберет, они всю дорогу меняются, то один спереди, другой сзади, потом наоборот, а то и вместе едут по обе стороны. Не знаю.

– А ну, Филипп, кликни-ка его, – предложил Готфрид.

Возница с оттяжкой кнутом протянул по крупу каждую лошадь, и они мигом нагнали стрельца.

– Егор! – крикнул Филипп. – Ты, что ль?

– Нет. Егор сзади едет.

– Слышь-ка, Василий, лекарь тебе что-то сказать хочет.

– Об чем? – не останавливаясь, спросил стрелец.

– Подъезды до нас, узнаешь.

Тотчас из темноты нарисовалась крепкая фигура молодого стрельца и поравнялась с повозкой. Петр выбрался из-под полога и примостился рядом с Филиппом на передке.

– Василий, – обратился он к стрельцу, – ты знаешь, у нас в повозке помяс после пытки лежит.

– Знамо дело, сам помогал его туда грузить.

– Мужик совсем плох, уж больно сильно стонет, не ровен час, помрет. Нам бы его осмотреть да снадобье для него приготовить.

– И что?

– Мог бы ты кого-нибудь на дороге спросить, есть ли где в округе недалеко постоялый двор, ямская изба или какое ни на есть любое другое жильё?

– Спросить-то можно, да уж больно боязно на дороге-то... Я подскачу, а они пальнут, подумают разбойник. – И он вопросительно взглянул на Петра.

– Филипп, – снова обратился Петр к вознице, – ты все-таки знаешь дорожные обычаи. Как лучше поступить, чтобы поостеречься?

– Сейчас, – сказал Филипп и залез левой рукой в ящик, приделанный к передку. Покопавшись в нем, вынул дорожную лампу со слюдяными оконцами. – На вот, возьми, – он протянул Василию фонарь и сальную свечу. – Выйди к другой стороне шляха и подними зажженную лампу над головой. Держи ее двумя руками, чтобы проезжие видели, что ты без оружия. Если кто крикнет: «Эй, человек, кто ты, и что хочешь?» – ответишь, что нужду имеешь и скажешь какую. Кто остановится, сразу не подходи. Жди, когда позовут. Как позовут, иди медленно, но руки не опускай, а то точно стрельнут.

Василий взял фонарь и не торопясь пошел на другой край дороги.

– Стой! – крикнул Филипп. – Саблю оставь, а то завидят ее, не поверят и пальнут.

Они смотрели, как колеблющееся пламя свечи иногда вырывало из темноты бородатое лицо стрельца. Он шел против движения и качал перед собой фонарем. Несколько крестьянских телег объехали его стороной, а два верховых, ничего не спросив, проскакали мимо. Но вот лошадка, запряженная в кибитку, замедлила ход и примерно сажень в десяти от стрельца остановилась. Из нее выглянул мужичок крестьянского вида и громко спросил:

– Эй, православный, ты лиходей или заезжий?

– Заезжий я, – прокричал в ответ Василий и тоже остановился.

– Отколь сам? – продолжал допытываться пассажир кибитки.

– Из Москвы, сопровождаю лекаря с аптекарем.

– Какая надобность – почему стоишь с фонарем?

– Нужду имею.

– Какую?

– Хворый человек у нас в повозке, ищем постоялый двор или ямскую избу. Не знаешь ли, дядя, нет ли чего окрест?

– Подойди ближе.

Василий приблизился, как его учил Филипп. Из кибитки вышел небольшого росточка мужичок в рясе и темной камилавке. Из-за его спины опасно выглядывал отрок лет двенадцати, также в одежде духовного лица. Увидев священника, Василий спешно сдернул с головы стрелецкий колпак и поклонился.

– О, так ты стрелец? – удивился священник, разглядывая Василия в тусклом свете фонаря, затем перекрестил его и, повернувшись в сторону, снял с головы камилавку, под которой Василий увидел выстриженное на темени гуменцо, Христов венец, и трижды троеперстно перекрестился.

«Странно, на кого этот поп молится?» – подумал про себя стрелец, но промолчал.

– Первая ямская изба, а при ней же и постоялый двор будут только в селце Боголепное, – сказал священник. – А до села ехать верст двадцать пять – тридцать, не меньше. Но не след вам в ночи проезжать эти лихие места. Поостерегитесь! Говорят, нынче ночью на восьмидесятой версте купеческий обоз разбили. Только один возница и спасся. Подьячие Разбойного приказа кинулись ловить воров... Да где там, следы в степи затерялись. Вот что, – подумав, проговорил он, – поезжайте-ка вы в киновию Святого Иосифа, это наш общежительный монастырь. Там ночлег получите, трапезу, да там же можно и приготовить лекарское зелье для вашего хворого.

– Далеко ли до монастыря, отче? – спросил стрелец.

– Не очень. Поезжайте вдоль шляха, – он махнул рукой вдаль, – примерно верст пять. По правую руку будет поворот на горку, перед ним еще камень большой белый лежит, поэтому этот поворот и зовется – белокаменным. Свернете на каменную дорогу. Справа будет частокол. От дороги тын пойдет прямо по пригорку к вотчинным владениям бояр Милославских. Вы возьмете чуть левее и по каменке доедете до каменоломни. Минуете ее, проедете пролесок и упретесь в стену монастырского двора. В народе наш двор называют скит. Стукнешь кольцом в чугунную доску, калитку откроет послушник Кирюшка, он нонче дежурный. Скажешь, мол, отец Макарий гостей прислал, приказал пустить переночевать.

– Благодарствую, отче! – Василий снял шапку и в пояс поклонился.

Глава одиннадцатая. Обитатели общежительного монастыря

Филипп не промахнулся и правильно свернул около огромного известкового валуна на узкую каменистую дорогу. От тракта до монастыря было версты полторы, но дорога оказалась настолько ухабистой, что езда по ней выворачивала все нутро. Крики Офонасия были слышны, наверное, в самых отдаленных уголках воеводства. Казалось, еще немного, и он кончится, так сильно его мотало по доскам повозки. Наконец они достигли каменной стены и уперлись в дощатые ворота. Филипп соскочил с телеги и всмотрелся во мрак. Место было диким и необитаемым. В проблеске лунного света он увидел контуры безглавой церкви и пристройку к ней.

– Кажись здесь! – крикнул он и, подойдя к воротам, нащупал кольцо и два раза стукнул им о чугун.

Через некоторое время за воротами мелькнул тусклый огонек, и послышалось шарканье лаптей. Калитку им открыл, как и предупреждал Василия настоятель, юный послушник – мальчишка лет четырнадцати.

Он поднял слюдяной фонарь и осветил лица пришельцев. Увидев вооруженных стрельцов, быстро захлопнул калитку и, открыв слуховое оконце в ней, спросил:

– Вы кто? Чего хотите?

– Отец Макарий – не здешний ли настоятель? – спросил Петр.

– Да, – подтвердил послушник. – Но сейчас он в отъезде.

– А тебя Кириллом зовут?

– Да, – удивленно ответил мальчик.

– Мы встретили отца Макария на тракте, он сказал, что мы можем найти здесь ночлег. У нас в повозке сильно больной человек.

Послушник недолго подумал, сделал гостям знак подождать, закрыл оконце и ушел. Спустя время засов на калитке отодвинулся, и на пороге появились два черных силуэта. Колеблющаяся пламя сальной свечи высветило бородатые лица незнакомцев, их потертые рясы и лапти с онучами. Каждый из них держал в одной руке в виде посоха внушительных размеров суковатую дубину, а в другой фонарь. Они молча разглядывали незваных гостей. Готфрид по затянувшейся паузе догадался, что монахи ждут объяснений.

– Мы встретили на шляхе отца Макария, он сказал нам, что мы можем здесь найти ночлег и трапезу, – осторожно начал Готфрид.

Монахи молчали.

– У нас в повозке больной человек. Еще отец Макарий сказал, что братия нам поможет... – И он вопросительно посмотрел на монахов.

Те продолжали еще некоторое время молча смотреть на незнакомцев, затем один из них наклонился к послушнику и что-то сказал тому на ухо.

– Келарь Вениамин просит показать больного, – сказал мальчик.

– А почему он это передает через тебя, а не спросит нас напрямки? – удивился поведению монахов Петр.

– В общежительных монастырях иноки не могут разговаривать с мирянами, они общаются только с братией и с Богом.

– Филипп! – позвал возницу Готфрид. – Покажи монаху помяса.

Филипп закинул края полога наверх, монах подошел, осветил фонарем и посмотрел на стонущего мужичка, затем молча вошел в калитку, отдернул засов, открыл ворота и что-то шепнул послушнику.

– Езжай туда, дядя, – сказал мальчик, указывая рукой во мрак. – Там стойло для ваших лошадей, есть и сено. А справа от конюшни жилье с кельями, где вы будете ночевать.

Филипп сощурил глаза и всмотрелся в темень.

– Ты чего-нибудь видишь, дьяче? – спросил он смотревшего в ту же сторону Петра.

– Вижу силуэты построек и больше ничего. Давай, поезжай осторожно. Вдруг там рытвины или ямы.

– Дорога в рытвинах, но глубоких ям нет, – сказал юный послушник, сопровождавший их.

Стойла для лошадей были добротные, и сеник был полон кормов. Пока стрельцы и возница Филипп кормили, поили и устраивали своих лошадей и повозку под навесом, послушник Кирюшка подвел Петра и Готфрида к длинному, в один этаж, сараю.

– Здесь гостевые кельи, – сказал он. – Можете занимать любую.

Петр подошел к первой двери, дернул за ручку, дверь хрипло скрипнула и, соскочив с верхней петли, отвалилась боком поперек проема. Приладив дверь к стене, послушник с фонарем вошел внутрь. Друзья последовали за ним. В нос им пахло сыростью и прелой соломой. Келья оказалась чуть больше квадратной сажени – что тебе могила. Ни окна, ни стола – только скамья да лавка по длине кельи, на которой высокий человек наподобие Петра вряд ли смог бы поместиться. Пол дощатый, прогрызенный либо мышами, либо крысами. Из-под него шел запах гнилья и падали. Петр и Готфрид достали из своих сумок сальные свечи, запалили их и расставили по периметру лавки. Лавка была такая же гнилая и мокрая, как и пол. Делать было нечего, что есть, то есть. Послушник сбегал под навес за сухой соломой. Друзья засыпали ею пол. Затем аккуратно уложили измученного помяса на лавку. Мужик продолжал непрерывно стонать. Голос его осип, а из горла временами вырывались свистящие хрипы. Петр снял с него исподнюю рубаху и стянул порты. При этом из тщедушного тела вырвался такой душераздирающий крик, что его, наверное, услышала не только монастырская братия. На теле мужика не осталось живого места. Седая грудь, впалый живот и дряблые ноги были сплошь в синяках. Друзья перевернули его на живот, чем вызвали у него не меньшую боль чем тогда, когда укладывали на спину. Спина была темно-багрового цвета с запекшейся кровью на клочьях кожи.

– Надо бы осмотреть плечевые суставы, – сказал Петр. – Ты заметил, что, когда мы его переворачивали, руки болтались в разные стороны, как будто сорвались с привязи. Как думаешь, от чего он так кричит: от того, что мы его ворочаем, или от того, что у него вывихнуты суставы?

Готфрид удивленно посмотрел на Петра:

– Думаю, от боли!

– Ну да, – смущенно проговорил Петр. – От чего же еще можно стонать, если не от нее, откуда бы она ни исходила. Я помню, как мучился Никодим, когда ему вывернули плечи, он себе места не находил, был весь зеленый. Я попробую вправить ему суставы, но сначала чем-то надо унять боль, а то может не выдержать.

– Спрошу у монахов, нет ли у них каких-нибудь трав, – предложил Готфрид. Он вышел на улицу. Под навесом стрельцы привязывали своих коней, а Филипп пристраивал повозку. – Филипп, – позвал его Готфрид, – кликни кого-нибудь из монахов или послушника позови.

В это время Петр, стараясь не причинять мук, усадил помяса на лавку, прислонив его к стене. От притупившейся боли стоны мужика превратились в продолжительные выдохи со свистом.

– Вот, смотри, – сказал Петр Готфриду, когда тот вошел в келью, – видишь, кость ушла в грудную клетку, а ключица встала дыбом, как птица перед взлетом. Когда я его посадил, мне показалось, что стоны его ослабли.

– Мой друг, вспомни, сколько часов мы ехали, и все это время он стонал, рыдал и кричал. Теперь у него на это просто нет сил. А боль, я думаю, какая была, такая и осталась. Я

согласен с тобой: главное, от чего он страдает, это от вывернутых суставов. Если их правильно вправить, то ему сразу станет легче, и он, возможно, уснет. Утром можно будет приготовить декокт и смазать им все больные места. Если, конечно, в монастыре найдется хоть немного хлебного вина и меда.

В этот момент в келью вошел послушник.

– Звали? – спросил он.

– Скажи нам, есть ли в монастыре какие-нибудь лекарственные травы, мед и хлебное вино?..

– Нет, господине, это киновия, в общежительных монастырях вина не бывает.

– А веревка есть? – спросил Петр.

– Веревка и мед есть. Сейчас принесу.

– Зачем тебе веревка? – спросил Готфрид, когда послушник ушел.

– Привязать его руки к телу. Помню, когда Никодима изломали на дыбе, то после того, как палач вправил ему суставы, он веревкой примотал ему руки к туловищу, чтобы они опять не выскочили. И Никодиму стало легче.

– А ты уже вправлял суставы кому-нибудь?

– Нет, но видел, как это делал доктор Келлерман. Однажды с разрешения думного дьяка Разбойного приказа доктор проводил урок анатомии в застенке. Пытали какого-то татя, который промышлял на дорогах разбоем. Там я и увидел впервые, как пытаются воров. Страшное зрелище! Помню, когда палач снял с дыбы татя и усадил на лавку, у того руки висели как плети. Он шевелил пальцами, а поднять рук не мог. Доктор Келлерман подошел к татю, подвигал его руку, показал нам сначала, где должна находиться плечевая кость, а потом – где она сейчас находится. Ужас! Кость сместилась почти под горло, а плечи стали совсем маленькими. Потом он попросил двух помощников палача помочь ему. Сказал, чтобы взяли стоявшую в углу толстую жердь в сажень длиной и заложили ее в подмышку вывихнутой руки. Когда они это сделали, он двумя руками ухватился за руку преступника, а помощникам сказал, чтобы они жердь тянули вверх. Через некоторое время мы услышали хруст, и рука несчастного встала на место.

– Неужто лиходеи даже не вскрикнул? Ему что, не было больно? – удивился Готфрид.

– Нет, сначала он кричал, а когда ему и вторую руку вправили, уже был мертв.

– А зачем мертвому надо было вправлять суставы?

– Мне кажется, доктор Келлерман просто хотел нам показать, как нужно это делать. Правда, когда мы уходили из застенка, палач хмыкнул нам вслед и произнес, что если бы он так казнил или пытал людей, как доктор вправляет суставы, то татя умер бы через минуту и не успел бы ничего рассказать судье. Никодиму, например, сам палач суставы вправлял, и он остался жив. Буду пробовать, все равно надо что-то делать, – сказал Петр.

– Согласен, – задумчиво ответил Готфрид, – что-то делать надо.

– Офонасий, – чуть тронув мужика за плечо, позвал Петр, – где у тебя больше всего болит? – Мужик от слов Петра только сморщился как от сильной боли и застонал.

Наконец вернулся послушник с мотком толстой веревки и небольшим глиняным кувшином меда, а с ним – один из тех здоровяков, которые открыли им ворота.

– Вот, принес, – кладя на скамью веревку и ставя мед, сказал послушник.

– А его ты зачем привел? – Готфрид кивком показал на инок.

– Это наш келарь.

– Это тот глухонемой, который нам ворота открывал? – спросил Готфрид.

– Вениамин не глухонемой, – ответил послушник. – Он дал обет молчания.

– Как же дал, если он с тобой говорит? – удивленно возразил Петр.

– Он дал обет молчания с мирянами, – уточнил мальчик. – Он видел вашего увечного в повозке, сказал, что может помочь.

– Как? Он же не знает, чем этот бедняга немочен.

– Он знает, что этот человек был пытан и у него вывернуты плечи.

Петр и Готфрид одновременно воскликнули:

– Как он это узнал?!

– Увидел, когда заглядывал в повозку. В миру Вениамин звался Василием, был заплечным мастером и поэтому немного понимает в медицине.

Готфрид и Петр удивленно переглянулись и с некоторым страхом посмотрели на крепкого бородатого инок. Тот стоял и во все глаза, не мигая, смотрел на помяса. Казалось, еще мгновение, и он своими огромными волосатыми руками с толстыми мясистыми пальцами схватит это тщедушное и безвольное тело и растерзает его как зверь. Петр с ужасом вспомнил, как такой же бородатый палач в забрызганной кровью рубахе и с крестом на шее еще только несколько часов назад пытал невинного и несчастного старика в застенке, выворачивая ему руки. Он вздрогнул от этих мыслей и хотел заслонить беднягу своим телом.

Инок горой склонился к послушнику и что-то прошептал тому на ухо.

– Вениамин сказал, что нужно быстрее вправить суставы, иначе они застынут и мужик останется безруким, – передал слова монаха послушник. – Еще он сказал, чтобы кто-то пошел в поварню и приготовил унимающее боль зелье. Трапезник знает об этом.

Готфрид взял в руки веревку, рассмотрел ее и спросил:

– Эта веревка из конопли?

– Да, – кивнул хлопец.

– А где вы ее берете?

– Сами плетем.

– Я про коноплю.

– Растим ее. Вон там за скитом есть поляна, там и растим.

– А есть сухие стебли? Для приготовления зелья, унимающего боль, мне нужна конопля.

– Нет, сухих нет. Есть только вымоченные. Все, что выращиваем, в суконных мешках опускаем в воду. Держим растения день и ночь в воде, а потом из них готовим дерюгу, мешковину и скручиваем веревки.

– Это еще лучше. Можно нам взять этой вымоченной конопли для приготовления лекарского снадобья? – спросил Готфрид.

Послушник наклонился к уху инок. Тот так же на ухо дал отроку ответ.

– Вениамин сказал, что все необходимое для приготовления снадобья можно взять у эконома. Пойдем, господине, со мной, я покажу.

Послушник увел Готфрида. Петр и стрельцы остались с молчаливым иноком. В растерянности Петр смотрел то на монаха, то на бедолагу и не знал, что делать. Монах тем временем подошел к сидевшему на лавке мужику, жестом показал стрельцам, чтобы держали того за ноги и, обхватив обеими руками тщедушное тело, опрокинул его на спину. Правая рука безвольно скатилась вниз и повисла, отчего старик хрипло вскрикнул. Огромными, словно медвежьими, лапами монах ощупал его плечи и зачем-то большим пальцем промял подмышки. Офонасий выгнулся дугой. Затем монах все так же молча снял с себя лапти. Оставшись в одних онучах, он сел на край лавки, взял двумя руками правую руку мужика, а пяткой правой ноги уперся несчастному в подмышку. Отведя его руку чуть в сторону, он резко за нее дернул. Рубаха Офонасия задралась, оголив багровый с синюшными полосами живот. Послышался хруст и душевраздирающий вопль – рука встала на место.

Не обращая внимания на крики страдальца, монах обеими руками обхватил худое тело помяса и одним махом перевернул его на лавке в другую сторону. Все так же хладнокровно он проделал такую же манипуляцию с другой рукой. Закончив эту варварскую процедуру, он рывком, как это обычно делают заплечные мастера, посадил мужика и, взяв веревку со скамьи, ловко привязал ему руки к туловищу.

Прислоненный к стене помяс в беспамятстве сидел, опустив голову на грудь. Келарь проверил крепость веревок и, ничего не сказав и даже не посмотрев на Петра, ушел. Вскоре вернулся Готфрид. В руках он держал большую чашу с желтовато-серой тягучей массой.

– Ну что, приготовил? – взволновано спросил товарища Петр.

– Да, но мало...

– А что, конопли не хватило?

– Нет, конопли хватает – десяток мешков в речке мокнет, а вот сбора я взял мало, смог приготовить только вот это. – И он показал большую чашу, доверху наполненную мазью.

– Конечно, для всего тела маловато. Если не жирно смазывать, то раза на два хватит, не больше. У него на спине, ты помнишь, кожа до мяса порвана, да и живот весь черный от бато-гов.

Дверь скрипнула, пламя свечей заколебалось, и больше половины из них погасли.

– Кто здесь? – воскликнул Готфрид, вглядываясь в темноту.

– Это я, – ответил послушник Кирилл. – Келарь просит вас примкнуть к братии и совместно потрапезничать.

– Нам бы прежде напоить нашего товарища, – сказал Петр. – Нет ли на вашем дворе какого-либо взвара или кваса? Он целый день почти ничего не ел и не пил.

– По уставу киновии еству едят и питье пьют все за общей трапезой, и ничего, даже питьевой воды, вносить в келью нельзя. Он должен сам встать и дойти до трапезной.

– Что ты такое говоришь?! – возмутился Петр. – Ты же видишь, что он совсем немощен и не может двигаться.

– Да, я знаю, – ответил послушник. – Поэтому келарь, который вправлял вашему товарищу суставы, распорядился, чтобы трапезник выдал насильнику чашу репного кваса, которым, пока вы будете трапезничать, он напоит больного. А еще он сказал, что человек этот после пытки. У него на теле следы от бато-гов.

– Да, он был пытан, – подтвердил Петр. – Разве сегодня мало тех, которых безвинно пытаются? Нельзя ли нам просто взять эту чашу кваса у трапезника и самим его напоить?

– В уставе киновии сказано: все, что выкладывает на стол трапезник, должно быть употреблено в трапезной. И ни инок, ни послушник, ни паломник не могут ничего выносить из трапезной. Если сам больной не может прийти в трапезную, то должен уповать на Господа и дожидаться, когда Он исцелит его и придаст ему силы. Но келарь, как я говорил, сегодня сделал для вашего товарища послабление... А теперь, господине, надо идти, опаздывать нельзя.

Готфрид пошел в соседние кельи сообщить стрельцам о приглашении на вечернюю трапезу. Петр же, не теряя времени, взял чашу с мазью и смазал некоторые сильно опухшие места на теле мужичка. А когда Готфрид вернулся, они вместе надели на него порты, исподнюю и, осторожно усадив в удобное положение, укрыли армяком.

Глава двенадцатая. Побег

Трапезная располагалась в пристройке к полусгоревшей церкви, под которой находилась поварня. Это было удобно, потому что через бревенчатый потолок подклети в трапезную проникал теплый воздух. Он согревал не только ее, но и притвор. Поэтому в холодную и промозглую погоду, несмотря на скудную пищу – щи из кислицы, репа с капустой да каша из распаренного гороха, – монахи иногда часами засиживались за едой еще и ради тепла. А потом, не заходя в темную ледяную келью, оставались в церкви на вечернее богослужение. Наши герои вошли в трапезную, где все двадцать пять иноков уже сидели за длинными столами. При их появлении ни один из монахов не повернул головы в ту сторону. Каждый сидел и молча смотрел перед собой, слушая приглушенный голос чтеца, который по благословению келаря, ввиду отсутствия игумена, читал жития святых. Вся братия была одета по-разному. Как послушник Кирюшка объяснил гостям, одежда каждого инока соответствовала тому, к какой схиме он был причислен. Если в потертых рясах и скуфейках, то это новоначальные послушники. Монахи с хитоном под рясой и параманом – это малосхимники, давшие монашеский обет послушания, и получившие новое имя. А иноки, облаченные в последний атрибут отречения от мира – аналав и черный куколь, это монахи великой схимы.

– А те, что справа, в толстых подпоясанных рубахах, они кто? – почти не шевеля губами, задал вопрос Петр.

– Это великосхимники в свитках. Под ней у них на теле грубая власяница. Ею они усмиряют буйство своей плоти.

Юноша отошел к алтарю, осенил себя крестным знаменем, и кивком призвал гостей проделать то же самое. После чего провел их к свободным местам. Петр сидел, как и все монахи, низко склонив голову. Украдкой, не привлекая ничьего внимания, он разглядывал стоявший на столе и наполненный свекольным квасом бурак, выдолбленный из корневища дерева. Вокруг бурака стояли по числу монахов берестяные чаши. Несколько рясофорных монахов разносили деревянные тарелки с едой. До завершения чтения ни один инок не смел скосить взор на поставленную перед ним еду.

Наконец чтец закрыл книгу и произнес: «Богу нашему слава, всегда ныне и присно и во веки веков». Со своего места поднялся келарь и, возложив руки на «брашно и питье», призвал Божье благословение на пищу, после чего братия приступила к трапезе.

Еда была неприхотливая, но сытная. Как только келарь развел руки, тут же застучали ложки по дереву. В тарелках послушники разносили просовую или ячменную кашу, сдобренную конопляным маслом. Специально не раздавали – кому какая попадет. В других тарелках была тюрю. Тюрю или мурцовку – раскрошенные кусочки ржаного хлеба в репном квасе – братия любила. Особенно она сытна и полезна, когда заправлена луком и маслом. После нее хоть всю полуночную можно отстоять, не чувствуя голода. В конце трапезы на широком резном блюде подали пряженые в масле и подовые пироги. Они были большие и длинные. Каждому полагалось по два пирога.

– Надо бы нашему страдальцу по пирожку принести, ведь бедняга целый день постится, – прошептал Петр.

– Давай, – согласился Готфрид. – Только возьмем разные – ты подовый, а я пряженный, все-таки разнообразие.

Им хотелось поддержать силы своего товарища, как они стали его называть, и, несмотря на запрет, решили не обращаться за разрешением к келарю, а незаметно спрятать два пирога. Обведя взглядом трапезную и не заметив никого, кто бы мог за ними следить, друзья, надку-

сывая один пирожок, второй ловко и неприметно, как им казалось, засунули каждый в обшлаг своего рукава. Трапеза закончилась, все монахи встали и пошли на вечернюю молитву и чтение помянника. Однако, когда они пошли к выходу, опекавший их послушник Кирюшка, быстро подошел к Готфриду, чуть коснулся рукава его кафтана и тихо произнес:

– Господине, когда будете выходить из трапезной, справа за дверью будет стоять корзина с церковной рухлядью, скрытно бросьте туда спрятанные пироги и, не оборачиваясь, ступайте в келью. – И отрок торопливо пошел дальше.

Готфрид от изумления застыл на месте.

– Что он тебе сказал? – спросил Петр.

Готфрид глазами показал на обшлаг кафтана Петра:

– Мальчишка откуда-то узнал, что мы спрятали пироги.

– Как?

– Не знаю. Но предупредил, чтобы мы украдкой бросили их в корзину.

Когда они вышли, шел дождь. Сапоги, чавкая, утопали в вязкой и липкой грязи. Чтобы никто не споткнуться о камень или бревно и не упал, Филипп нес фонарь, освещая дорогу.

– Филипп, – позвал Петр возницу, – дай нам фонарь. Ты все равно спать идешь, поэтому тебе не трудно будет найди лавку ощупью. А нам нужно хворого посмотреть, как он там, жив ли, дышит ли еще.

– Спать – не спать, а лошадок подкормить надо, – сказал Филипп. – Тем более сено дармовое. – Он усмехнулся. – Но с тебя, дьяче, свеча.

Дверь кельи помяса была плотно притворена. Петр дернул ручку, дверь с тонким скрипом на расшатанных петлях отвалилась к стене. В нос снова ударил запах свежего помета. Друзья прислушались. От того места, где сидел Офонасий, доносились какие-то странные звуки.

– Дай-ка мне фонарь. – Готфрид взял фонарь у Петра и, подняв его, осветил перед собой. Тусклый луч сальной свечи слабо высветил разбитые лапти неподвижно сидящего человека. Он придвинулся ближе к голове мужика и тут же в ужасе отпрянул.

– Что случилось?! – воскликнул Петр, удерживая друга, чтобы тот не упал.

– Там крыса, – дрожащим голосом проговорил Готфрид. – Живая крыса.

– Где?

– У него на плече. Посмотри сам. – Он протянул фонарь другу. – Свети ему на лицо. – Готфрид брезгливо сморщился. Свет озарил неподвижно сидящего мужика. Петр подошел еще ближе. К нему, не сумев побороть любопытства, придвинулись и оба стрельца.

– О боже! – воскликнул Петр. – Она что-то лижет.

Рядом с головой мертвого Офонасия на отвороте кафтана, которым тот был укрыт, сидела серая крыса и слизывала с его груди и щек густую тягучую кровавую массу. Она даже не испугалась, когда мигающий луч осветил ее. Стрельцы вытянули шеи, но тут же отпрянули.

– Фу!.. – вскрикнул один из них и тут же, закрыв рот рукой, выскочил на улицу, где его и вырвало всем тем, что он только что съел.

– Что же с ним случилось? – задумчиво произнес Петр, оправившись от испуга. Не обращая внимания на блевавшего за дверью стрельца, он поднял с пола щепку и прогнал от лица умершего крысу. Этой же щепкой помешал вязкую с белыми прожилками жидкость на щеке и груди мужика. – Я думаю, это содержимое его чрева со сгустками крови. А вот это уже следы кваса. – Он той же щепкой отодвинул сгусток и показал Готфриду на жидкие белесые полосы в тягучей бордовой массе. – Ты ведь помнишь, какого их квас цвета, мы его сегодня с тобой в трапезной пили.

– Да, это квас, – чуть наклонившись, подтвердил Готфрид. – И пахнет квасом. Непонятно, отчего Офонасий умер, ведь не от кваса же и не от того, что его вырвало.

Петр поднял фонарь выше, задрал на покойнике исподнюю рубаху и осветил живот.

– Посмотри на его чрево.

– Вижу, все синее.

– А кожа целая и блестящая.

– От мази? – спросил Готфрид.

Петр пальцем потер по коже.

– Да, это мазь. И даже не впиталась. Давай теперь посмотрим спину.

– Ты ее тоже мазал?

– Да. Подержи. – Петр передал фонарь другу и не церемонясь повалил мужика на бок, а затем перевернул на живот. – Посвети сюда, – попросил он.

Ключья рваной кожи с запекшейся на них кровью почернели. Мазь, наложенная недавно Петром, коркой застыла в складках кожи.

– Смотри, – сказал Петр, – здесь кожа рваная, но не синяя, как на чреве.

– Что это значит?

– Я думаю, когда палачи били помяса батогами по спине, то мышцы под кожей напрягались, лопались и разрывали ее. На чреве же, – Петр щепой потыкал в худой живот помяса, – как ты видишь, мышц почти нет. Значит, в чреве от палок лопались либо кишки, либо сосуды. Поэтому в рвоте и была кровь с едой.

– Да, но от чего же его вырвало?

– А вырвало его от репного кваса. Ты же знаешь, что он будоражит нутро, и от него всегда бывает отрыжка. Когда послушник напоил мужичка квасом, кишки его вздыбились, сначала появилась отрыжка, а потом и рвота пошла. Правда, отчего он умер, мы, наверное, так и не узнаем. Нужно будет спросить келаря, как и где нам его похоронить. – Только успел Петр произнести эти слова, как в келью влетел запыхавшийся послушник Кирюшка и, обращаясь к Готфриду, выпалил:

– Господине... – При этом он рукой откидывал с уха волосы и к чему-то прислушивался. – Господине, – повторил он, – братия после службы не пошла по кельям. Келарь Вениамин собрал всех на паперти и говорил с ними. Я задержался в притворе... – Юный рясофор снова прислушался, затем договорил: – и слышал, что келарь сказал братии...

Все присутствующие обратились в слух. И вот что поведал им молодой инок:

«Вот что я скажу вам, братья! – обратился к насельникам келарь Вениамин. – Не по нраву мне наши пришлые гости-миряне! Особливо подозрителен покалеченный. Когда я вправлял ему суставы, сразу понял, что вывернуты они на дыбе. Это значит, что ему был учинен розыск... По какой причине, то нам неведомо. Я заметил, что тело его подвергли наказанию – били батогами, но, судя по следам, не очень сильно. Значит, наказание было простое. Меня насторожило, почему у покалеченного мужика при наказании не отрезали левое ухо. Известно, что простое наказание назначается татю при задуманном и не совершенном им преступлении, а левое ухо отрезают в любом случае для устрашения и назидания другим. А у этого ухо цело! Вы спрашиваете, что я предлагаю? Мы должны узнать, не беглый ли он вор, ускользнувший от наказания. Для этого у иноземца и лекаря надобно затребовать на татя отпускную грамоту от дьяка или воеводы. Если у них таковой нет – заковать всех в железо и до возвращения настоятеля отправить в застенки...»

– Мать честная! – воскликнул Василий и, обернувшись к товарищу, увидел растерянное лицо Егора.

– Что будем делать? – спросил Петр Готфрида, когда послушник замолчал.

– Пока не знаю... – задумчиво протянул тот, – но здесь оставаться опасно.

– Да что там думать, – запальчиво и без страха воскликнул Василий. – Нас пятеро – и две сабли... Неужто не отобьемся?

– Господине, – с испугом в голосе снова заговорил мальчик. – Иноков двадцать пять человек, у них косы и вилы.

Все присутствующие как по команде обернулись к Готфриду и напряженно ждали, что скажет он.

– Двадцать пять иноков... Если каждый из них возьмет хотя бы по палке, никакая ваша сабля их не достанет. Помните, с каким дубьем нас встречал келарь Вениамин, когда мы только приехали? А если они еще и ноги нашим лошадям переломают, то, я полагаю, мы никогда не покинем это урочище, а сгинем в их казематах.

– Что ты такое говоришь, Готфрид? – возразил другу Петр. – Неужели ты думаешь...

– Да тут и думать нечего, – перебил его Готфрид. – Отпускной грамоты, как ты знаешь, у нас нет. Подтвердить, что мы этого мужика выкупили, а не выкрали, нечем. Поэтому нас до возвращения настоятеля закуют в железа, а когда тот вернется, то Вениамин вспомнит, кем он был, и тогда мы расскажем все, что было и даже то, чего никогда не было.

– Так что же делать? – возбужденно и в тоже время растерянно спросил Петр.

– Бежать! И чем быстрее, тем лучше.

– Господине, – сложив ладони, жалостливо произнес юный послушник, – возьмите меня с собой. Не могу я тут больше, бьют, едой обносят, голодно мне здесь... На мово младшего брата на месяц епитимью наложили – приказали в келье каждый день по сто поклонов бить. Келья была студена и сыра. Никитка сильно кашлял... По уставу, кто епитимью несет, того навещать запрещено. На пятый день перестал кашлять... – Юный монах смиренно склонил голову и перекрестился.

На пороге кельи неожиданно появился Филипп.

– Друзья, – воскликнул он, – от трапезной толпа монахов с косами и палками идет в нашу сторону. Что случилось? – Он взгляделся в глубину кельи. – А что, помяс никак помер?

Вместо ответа Готфрид крикнул:

– Выводи упряжку, Филипп, быстрее! Стрельцы, седлайте коней – и к воротам! Бежим! – Он схватил Петра за рукав кафтана и поволок к двери.

– Господине! – снова взмолился юноша и упал на колени, – Христа ради, возьмите меня с собой.

– Беги, открывай ворота! – почти злобно заорал Готфрид на отрока и рывком вытолкнул послушника на улицу.

Мальчишка вылетел из кельи, подхватил руками свой длинный подрясник и побежал по скользкой, размокшей от дождя дороге к воротам. Он бежал и плакал, слезы вместе с дождем заливали глаза. Запутавшись в подряснике, он поскользнулся и упал лицом в грязь. В этот момент мимо него проскакали два стрельца, а следом за ними пролетела и повозка, колеса которой по чистой случайности не проехали по распластанным на земле рукам мальчика. Тот поднял залитое грязью лицо, провел по нему мокрой рукой и испуганно закричал:

– Господине! Господи-и-и-не-е!..

Но тьма уже поглотила повозку. Возбужденная толпа монахов шла от сгоревшей церкви. Завидев коней, которые во весь опор неслись от келий к воротам, они свернули в сторону и, обойдя гостевое жилье с другой стороны, ринулись через бурелом и колючий кустарник им наперерез, надеясь срезать угол и нагнать беглецов, прежде чем те успеют открыть ворота. Густые заросли, с цепкими колючками и крепкими как железо сучьями недолго сдерживали их пыл. Даже воинственный призыв келаря схватить и предать преступников Божьему наказанию, хоть и добавил ярости братии, но не смог ускорить их продвижение сквозь дикую поросль. Отдельные монахи, прорвавшись сквозь колючки и не дожидаясь остальных, бежали за беглецами, пытаясь задержать их. Но эти одиночные нападения не имели успеха.

Пока Готфрид, Петр и возница Филипп отбивали натиск обезумевших иноков, оба верховых стрельца, спешившись, пытались камнями сбить с ворот замок.

– Где Кирюшка? – крикнул Петр, уворачиваясь от замахнувшегося на него палкой худого, но высокого и жилистого монаха.

– Нету его! – ловко орудуя тростью, крикнул Готфрид.

– Ты же его послал ворота открыть?

– Отстал! – кольнув острием шпаги коротконого инок, выдохнул Готфрид. – Я увидел его в последний момент, когда он упал. Но мы уже проехали мимо, и я не стал останавливать Филиппа.

Аптекарь хотел еще что-то сказать, но из кустов неожиданно выскочили сразу трое преследователей. Один из них из-за спины сделал замах палкой и норовил ударить Готфрида по голове. Тот ловко увернулся и с силой ткнул сначала одного, а затем другого своей тростью в живот. Оба упали на землю и, корчась от боли, отползли в сторону. Третий, обронив клубок, в испуге отбежал и, не понимая, что случилось с его товарищами, в нерешительности застыл на месте.

– Как думаешь, собьют стрельцы замок? – спросил Петр, едва успевая отбиваться от нападающего на него инок.

– Нет! Нужно наскакивать на ворота, – делая выпад шпагой вперед, прокричал Готфрид. И в этот момент услышал глухой стон Петра. Обернувшись, он увидел, как тот сложился пополам и со стоном упал. Три шага отделяли его от друга, но, подоспевшие два монаха – один вилами, а другой палкой – стали оттеснять Готфрида в сторону, мешая ему прийти на помощь товарищу. Краем глаза он заметил, как верзила, который свалил его друга, подошел к Петру и со злорадной улыбкой неторопливо замахнулся своей палкой, чтобы опустить ее на его незащищенную спину. Ужас сковал Готфрида. Он было рванулся на выручку товарища, но тут же получил удар дубьем по левой руке. Благо удар был скользкий и не причинил ему особого вреда. В тот же миг раздался дикий крик, и верзила с окровавленными руками повалился под ноги Готфриду. Два инок-коротышки от неожиданности замерли и, побросав палки, стали неистово креститься. Это и нужно было Филиппу. Он кнутом рассек голову маленькому монаху, сбив с нее разорванную надвое окровавленную скуфью. Возница соскочил со скрепы повозки и помог Петру в нее забраться.

– Егор! Василий! – громко закричал Готфрид. – Бросьте это! Поднимайте коней на дыбы...

– Зачем? – выкрикнул один из них.

– На дыбы! Бейте копытами по воротам! – заорал Готфрид.

Стрельцы поняли, что хотел от них аптекарь. Они быстро вскочили в седла, подняли коней и стали с разгона наскакивать на ворота. Петли на бревнах начали расшатываться, а через мгновение одна из створок плашмя рухнула на землю. Путь был свободен.

Обозленные монахи наконец преодолели преграду и выскочили из зарослей. Они всем гуртом ринулись на не успевшего еще забраться на облучок Филиппа и стоявшего рядом с ним Готфрида. Однако верховые стрельцы развернули коней и врезались в гущу монастырской братии, размахивая над их головами саблями. Они оттеснили толпу обратно к кустам. Филипп, впрыгнув в повозку, погнал ее прочь, быстро отдаляясь от этого гиблого места. Стрельцы поскакали следом. Толпа монахов, вскинув дубье, ринулась за ними в погоню. На каменистой дороге, да еще в темноте, сильно коня не разгонишь – можно ему и ноги изломать, поэтому стрельцы, оглядываясь, старались пускать лошадей где быстрым шагом, а где короткой рысью. Преследователи, видя, что настигнуть беглецов никак не удастся, стали бросать в них камни. И когда конь одного стрельца повернулся боком, чтобы перейти дорогу, метко брошенный кем-то камень попал ему прямо в колено передней ноги. Конь от боли заржал, встал на дыбы и, сделав рывок в сторону, сбросил с себя седока. Увидев это, монахи возликовали и с новой силой устремились в погоню. Стрелец, скакавший впереди, поспешил ему на помощь и, протянув руку, попытался поднять его к себе на седло. Но тут на беглецов посыпался град камней. Несколько попало в лошадь, и та, фыркая, стала кружиться на месте, не позволяя стрельцу подтянуть товарища. Наконец их руки сцепились, и тот, что упал, подпрыгнул, ухватился за седло

и стал карабкаться на круп уже бегущей лошади... Вдруг со стороны киновии послышались радостные вопли. Стрелец, проскакав саженой пятнадцать, остановился и, обернувшись, увидел, что сзади, на крупе его лошади, никого нет. Он напряг слух: впереди слышался звук удалявшейся повозки, а сзади – крики ликовавшей толпы. За ним уже никто не гнался. Стрелец понял, что его товарищ сорвался и попал в руки монахов. Возвращаться и спасти друга в одиночку было безумием. Он перекрестился и попросил Царя Небесного придать его товарищу в сей нелегкий для него час твердости духа. Стрелец прищпорил коня и поскакал следом за повозкой.

Филипп остановил повозку на обочине тракта у белого камня, и друзья стали ждать стрельцов.

– Это ты, Егор? – услышав цоканье копыт и взглядываясь в темноту, спросил Готфрид.

– Егора нет. Его монахи схватили, – подъехав к повозке, хриплым голосом проговорил стрелец Василий.

– Как монахи схватили?!

Василий рассказал. Все молчали.

– Как думаешь, аптекарь, что они теперь с ним сделают? – грустно спросил Филипп.

– Думаю, пытать будут, чтобы узнать, кто мы такие, – с досадой ответил Готфрид. – Егор, конечно, все расскажет... Доложат игумену, кто мы, куда и зачем едем. А тот может и гонцов послать по монастырям... Поэтому моя дума такая: быстрее ехать надо, ни в какой монастырь, ни на какой скит не сворачивать и ни в какую свару больше не ввязываться.

Несмотря на поздний час, тракт не оставался пустым. То и дело в направлении Москвы двигались то небольшие купеческие обозы с зажженными фонарями, то группы вооруженных стрельцов, которые, судя по выкрикам и громким угрозам в адрес бояр и полковников, были в подпитии. Пеший же люд остерегался передвигаться в одиночку.

– Конечно, Егора теперь не вернуть, жаль товарища, все-таки в одной сотне служили, – сокрушался Филипп.

Он молча достал из ящика уже знакомую читателю дорожную лампу со слюдяными оконцами и вставленной в нее сальной свечой, повесил на шест и, примостив кусочек трута к свече, сильно чиркнул кресалом по камню. Из-под металла вылетел плотный пучок искр. Береста задымилась. Возница вынул из фонаря свечу и поднес к ней трут.

– Загаси огонь, Филипп! – резко приказал Готфрид.

– Почему? – удивился тот. – Ведь еще по указу покойного Алексей Михальча ночью положено...

– Погаси огонь! – зло сквозь зубы повторил Готфрид.

Филипп молча подчинился и сапогом затушил тлеющую бересту. Все трое настороженно посмотрели на Готфрида, который впился взглядом во мрак и к чему-то прислушивался. Наконец тишину вновь нарушил возница Филипп, но вопрос он задал совсем тихо:

– Скажи, аптекарь, какого хрена мы должны ехать без фонаря? А ежели, не приведи Господи, кто-нить ненароком в темноте на нас наскочит?

– Если ненароком кто и наскочит, – вполголоса проговорил Готфрид, – то не страшно, скажем, что кресало подвело – отсырело, и по-доброму разведемся, а вот если... Тихо! – Он поднял руку и еще сильнее напряг слух. – Кажется, кто-то скачет. Филипп, успокой лошадей, чтобы не заржали.

Возница снял с одной попону, накинул ее на головы обеим лошадям и тоже стал всматриваться в темноту. Василий последовал его примеру. Действительно, на противоположной стороне тракта сначала показались мерцающие огоньки, а следом за ними появились и силуэты всадников. Судя по многоголосому гомону, их было не меньше дюжины. Они скакали мелкой рысью и о чем-то яростно спорили.

– Наверное, тоже в Москву направляются, – шепотом проговорил Филипп.

– А орут-то будто пьяные, – сказал стрелец Василий.

– Да они и есть пьяные, – чуть слышно подтвердил Филипп. – Глянь, как лаются-то промеж себя. – И он рукой указал на две подвижные серые тени. – Ишь как коня-то закрутил. Ты смотри, лихой какой, саблю выхватил, глянь, в наскок пошел. Видать, щас драться будут.

– А тот-то, тот, другой, бердыш занес. Ух и сеча сейчас будет. Он же ему голову снесет, – чуть ли не в полный голос пробасил Василий.

– Тише ты, громогласный! – зашипел на стрельца Готфрид. – Услышат! Хорошо, что рогожа у нас откинута, а то она светлая, в темноте заметили бы.

– Филипп, тебе слышно, о чем они спорят? – шепотом спросил Петр возницу.

Но тому не пришлось отвечать на вопрос, потому что стрельцы поравнялись с ними, и теперь их голоса звучали отчетливо.

– А ну осади коня, сволочь! – кричал стрелец, замахнувшийся бердышом. – Изыди, бес! В куски изрублю!

В свете нескольких фонарей была видна мощная фигура стрельца с торчащим из-под шапки ржим чубом и всклокоченной рыжей бородой, который как игрушкой крутил над головой бердышом.

– Ты почему на богоизбранного государя нашего Петра Алексеевича хулу возводишь, крамольник?! – возмущенно кричал на своего товарища другой стрелец, с саблей наголо наезжая на того жеребцом. – Так ты за Милославских? Предатель!

Он вздыбил коня, да так высоко поднял его, что тот, потоптавшись задними ногами на месте, рухнул вместе с седоком в темный кустарник. Откуда через мгновение раздался храп животного и крик наездника. Толпа стрельцов покатила со смеху.

– Федька, ты что, на пару с конем медовуху пил, что ли? Смотри, ему понравится – из кружала не вытащишь.

Стрелец поднялся и, ломая кустарник, стал шарить руками, ища узду, и, видимо, случайно задел коня саблей. Тот, испугавшись, заржал, рванулся как бешеный, пнул стрельца копытом, выскочил на дорогу и припустил вперед по тракту.

– Братцы, братцы, – выбираясь из кустов и держась за ушибленное плечо, закричал стрелец. – Не упустите коня, уйдет сволочь, ловите его.

Его товарищ с бердышом, который только что грозился изрубить этого самого Федьку в куски, пришпорил своего скакуна.

– Уйдет! Уйдет ведь гад! – с досадой повторял стрелец.

– Не бойсь, Федька, никуды не денется твоя лошадка. Гришка мастер, ему не впервой ловить беглецов. Он ее быстро заарканит, – успокаивали друзья соратники.

– Зол он на меня, щас скажет: давай алтын за услугу.

– Да вы ж друзья не разлей вода. На постоялом выпьете ендову меда да и поладите. Чай, не впервой собачитесь.

Постепенно голоса стрельцов стихли, а силуэты их растворились в темноте. Наши путешественники еще некоторое время постояли, прислушиваясь к отдаленным, едва уловимым звукам.

– Ну что, аптекарь, поехали, что ли? – нетерпеливо спросил возница. И, не дожидаясь, пока Готфрид ответит, дернул поводья. Лошади тронулись.

– Странно, – задумчиво произнес Петр, – голос этого рыжего стрельца мне показался знакомым. А тебе? – спросил он друга.

– Нет, – ответил Готфрид. – Кого он тебе напоминает?

– Год назад, когда я только появился в лекарской школе, перед распределением по направлениям доктор Блюментрост проводил разбор, на котором он одного здорового рыжего стрельца, помню, звали его Гришка, уличил в нарушении царского указа и причинении убытка царской казне.

– А... да, да, – подхватил Готфрид, – припоминаю тот случай. Тогда мы с дядей были с инспекцией в лечебных палатах на Рязанском подворье, и как раз в дежурство рыжего стрельца. Там еще умер десятник, из-за которого на дыбе изломали жену этого Гришки... Да вот и Филипп его знает, он же сам его до Изюмской черты сопровождал. Ты узнал его, Филипп?

– Кого? – не понял возница.

– Да этого рыжего студюоза из лекарской школы.

– Да откуда ж мне помнить его голос, если он за всю дорогу ни слова не сказал.

– Мне показалось, что это он бердышом махал. Уж больно схож с тем студюозом...

– Может, он, а может, и показалось, – сказал Готфрид.

– Да вообще чудно как-то, – проговорил Петр, – я его видел всего один раз, когда только пришел в школу, он успел рассказать какую-то смешную историю и дать мне кличку – Долговязый. И в этот же день его сначала в застенки отправили, а потом сослали. Помню, староста Кирилл тогда говорил, что сослали его сюда, в Белгородское воеводство на строительство Изюмской черты. Странные совпадения.

– Может, рогожу опустить? – сказал Филипп и посмотрел на Готфрида. – Холодает к ночи-то.

– Не надо. Дождь кончился, солома у нас сухая, а без рогожи наша повозка менее заметна в темноте.

– Ну что, дьяче, – возница с оттягом хлестанул лошадей, – кишки-то на месте? А дрын у этого верзилы был добрый, тебе повезло, что он по голове не попал. – Ехавший сбоку повозки верховой Василий хохотнул, а Готфрид, видимо, как старший среди них, всю дорогу оставался серьезным и задумчивым. Петр же, еще страдая от боли и баюкая рукой свой живот, выдавил из себя нечто похожее на улыбку:

– Благодарствую, Филипп, тебе за защиту. Если бы не ты, быть бы мне сейчас вместе с Егором в подземном каземате с переломанными костями и закованным в кандалы.

– Я думаю, дьяче, если бы Егор с Василием не разбили ворота, то в каземате оказались бы мы все, и ни один из нас не избежал бы встречи с Вениамином. Так что большой поклон нашим спасителям. – И Филипп, дождавшись, когда с ним сравняется стрелец Василий, похлопал того по плечу. – Ну и особый поклон Егору, он ведь за нас пострадал. – Возница прошептал молитву и перекрестился.

– Что да, то да, – грустно проговорил Готфрид. – Низайший поклон тебе, Василий, ну и конечно, Егору, если замучили его, то пусть его душа покоится с миром, а если ему еще предстоят пытки, то помоги ему Господь стерпеть их. – И он осенил себя малым крестом. Наступила пауза.

– Ну что загрустили? – сказал Филипп. – Ведь все хорошо. Мы на свободе! Дьяче Петр вроде как цел. Дорога спокойная, что грустить-то? Как вы, кукуйцы, – он повернулся к Готфриду, – в своей Немецкой слободе говорите: «Gott sei Dank, что беда обошла нас стороной».

Готфрид поднял голову и с улыбкой посмотрел на возницу:

– Бог действительно нам помог, и хвала Ему за это. А тебе, Филипп, от меня особо низкий поклон за спасение жизни моего друга.

– Аптекарь, надо бы где-то заночевать, – предложил Филипп. – Лошадям нужен отдых, да и самим не мешало бы поспать. Ехать-то еще верст восемьдесят, не меньше. Раньше, чем к утру, в Верхососенск не приедем.

– Остановимся на первом же постоялом дворе или в ямской избе. Поезжай медленно, смотри, где появится какое-нибудь жилье, там и встанем.

Ехали молча, сказывалась усталость, хотелось спать. Иногда позади они слышали топот копыт. Тогда Филипп находил какой-нибудь пригорок или густой кустарник, прятал повозку, и они пережидали, когда проскачет верховой или ямщик почтовой службы. Так, скрываясь от встречных и попутных ездовых, они проехали еще примерно верст десять – двенадцать.

Наконец дорога их сморила: и возница, и Петр с Готфридом, склонивши головы на грудь, уснули... Лишь Василий, отпустив вожжи, неторопливо ехал впереди повозки и боролся со сном, чтобы не упасть с коня.

Глава тринадцатая. Верхососенск

Проснулся Петр от того, что повозка качнулась и голова ударилась о борт. Он открыл глаза и, не понимая, где находится, стал осматриваться. Местность была незнакомой.

Повозка стояла на цветущей, залитой солнцем поляне, а лошади, чуть передвигая ноги, мирно щипали траву. Слева на холме и перед ними стеной возвышался толстоствольный могучий сосновый бор. Из его глубины доносилось залиvistое щебетание птиц.

– Филипп, – позвал он возницу, – Филипп.

Тот поднял голову, стряхнул со своего плеча голову стрельца Василия и, тоже обводя непонимающим взглядом окрестности, проговорил:

– Ты звал меня, дьяче?

– Смотри, где мы? – кивнул Петр на поляну. – Почему Василий-то у тебя на передке сидит? – испуганно воскликнул Петр. – Где его конь?

– Да вот он, позади тебя, к задку привязан. – Василий сказал, что седалище намял так, что голова думает только об одном: где ее можно преклонить. Вот он и привязал коня, забрался ко мне и, похоже, мы незаметно заснули.

– Куда же нас занесло? – продолжая озираться, сказал Петр, как будто что-то ища. Вдоль соснового бора он увидел в траве следы от повозки.

– Надо бы найти по ним дорогу, с которой мы свернули. Василий, посмотри окрест, может она где-то рядом?

Василий соскочил с повозки, лихо отбежал в сторону, забрался на холм, затем вернулся.

– Ничего нет, только поляна и сосновый лес.

– Да, мы стоим на этой поляне и перед нами сосновый лес, – насмешливо произнес Филипп. – Тебя, Василий, – он ткнул пальцем в лоб приятелю, – послали отыскать дорогу, с которой мы съехали. А ты смотришь на то, что само лезет в глаза. Поезжай по следу и найди место, где мы съехали.

Василий слотнул обиду, прыгнул в седло и поскакал к лесу. В этот момент проснулся и Готфрид.

– Что случилось? – спросил он, увидев настороженные лица Петра и Филиппа.

– Ты оглянись вокруг, аптекарь, – отозвался Филипп. – Были степи, а теперь буйные леса. И всего-то ночь прошла.

– И где мы сейчас? – обратился он к Петру.

– Не знаю, но думаю, лошади развернулись и всю ночь везли нас обратно. Иначе откуда тут лес?

– Да нет, дьяче, это навряд, – возразил Филипп, – лошадки-то у меня умные, сказали им идти вперед, так они и будут идти вперед.

– Ты же, Филипп, говорил, что возил в эти места ссыльных из нашей лекарской школы?

– Возил, но не сюда, а на Изюмскую черту, а к ней мы шли по Свиному шляху, в сторону Белгорода. А дорога на Верхососенск ближе к ногайцам проходит.

– Откуда же здесь такие сосны? – спросил Готфрид.

– А ты, аптекарь, вспомни, куда мы едем... В Верхососенск!

В этот момент они услышали конское ржание. И через мгновение к ним подскочил Василий.

– Ну что, нашел дорогу? – крикнул ему Филипп.

– Нашел. Она за сосновым бором. А он не больше ста саженей в глубину.

– Как? – удивились друзья. – На вид такой дремучий. За ним что, степь?

– Нет, засека, а за ней дорога, с которой мы свернули. Тракт упирается в проезжую башню. Там село, какое не ведаю. Проезд закрыт решетками и охраняется дозорщиками с бердышами и пищалями. Спросить у дозорщиков, что за село, я поопасился. Подглядел только из-за валежника.

– Ты нашел, где мы свернули с дороги? – спросил Готфрид.

– Отсель будет верст пять вдоль непролазного бруствера, где меж сваленных сосновых стволов торчат острые колья. Вот там лошади и сошли с накатанной дороги.

– Мне кажется, это Верхососенск и есть, – сказал Петр. – Уж больно приметы совпадают: сосновый бор, а за ним, вон там в низине, река блестит... Как думаешь, Готфрид?

– Не знаю. Но все равно, другой дороги нет. Подъедем, спросим у дозорщиков.

– Я согласен с дьяком, – с уверенностью произнес Филипп. – Это точно Верхососенск. Мои лошади знают, куда ехать.

– Ну, тогда давай, возница, вперед, – усмехнулся Готфрид, – проверим чутье твоих лошадок.

– Поехали. – Филипп улыбнулся и натянул вожжи.

Василий оказался прав. Только верст через пять, когда засечная черта закончилась, а лес остался далеко позади, они выехали на накатанный песчаный тракт. По другую сторону дороги вдоль насыпи тянулась засечная черта из завалов сваленных стволов деревьев и вбитых меж ними заостренных кольев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.